
ЕВА
САЛАНДЕР
ПОКА ТЫ
НЕ УЗНАЕШЬ
ПРАВДУ
ОН ЗНАЕТ О НЕЙ СЛИШКОМ МНОГО,
НО СКРЫВАЕТ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ.

Ева Саландер
Пока ты не узнаешь правду

https://litres.ru/74711912
SelfPub; 2026

Аннотация

Она привыкла искать преступников. Он привык оставаться в тени.

Вера Морозова расследует дело, которое постепенно превращается в лабиринт лжи, чужих тайн и жестоких преступлений. Марк Вейл появляется в её жизни слишком вовремя, знает о ней слишком много и скрывает гораздо больше, чем готов признать.

Он может стать ключом к расследованию. Или самой опасной ошибкой в её жизни.

Но что делать, если человек, которого ты должна разоблачить, становится тем, кому ты больше всего боишься потерять доверие?

Ева Саландер
Пока ты не узнаешь правду

Аннотация

Она привыкла искать преступников. Он привык оставаться в тени.Вера Морозова расследует дело, которое постепенно превращается в лабиринт лжи, чужих тайн и жестоких преступлений. Марк Вейл появляется в её жизни слишком вовремя, знает о ней слишком много и скрывает гораздо больше, чем готов признать.

Он может стать ключом к расследованию. Или самой опасной ошибкой в её жизни.Но что делать, если человек, которого ты должна разоблачить, становится тем, кому ты больше всего боишься потерять доверие?

Пока ты не узнаешь правду Глава 1. Фотография

Дождь шёл с самого утра — мелкий, упрямый, почти невидимый из окна, но стоило выйти на улицу, как он забирался под воротник и оставлял на коже холодные следы. К вечеру город потемнел окончательно. Фонари расплывались в лужах, шины шуршали по мокрому асфальту, а прохожие двигались быстро, опустив головы, будто каждый из них нёс с собой что-то, о чём не хотел говорить.

Я любила город в такую погоду. Не за красоту — за честность. Дождь смывал с улиц дневную суету, глушил голоса

и делал людей похожими на тени. В такую погоду никто не смотрел по сторонам дольше необходимого. Никто не хотел замечать чужую беду.

Именно поэтому, когда диспетчер сообщил о теле за старым зданием благотворительного фонда, я не удивилась, что его обнаружили почти случайно. Мужчина вышел покурить из соседнего бара, свернул в переулок, чтобы укрыться от ветра, и увидел человека, лежащего между кирпичной стеной и контейнерами для мусора. По его словам, сначала он решил, что тот пьян. Потом заметил, что у мёртвого открыты глаза.

Я припарковалась за полицейским фургоном и на несколько секунд осталась в машине. Дворники с усилием отводили воду от стекла, но капли тут же возвращались, разбивая отражение уличного фонаря на дрожащие полосы. В салоне пахло остывшим кофе, мокрой шерстью пальто и бумагой из папки на пассажирском сиденье. Мне не хотелось выходить. Не потому, что я боялась трупов. К ним привыкаешь быстрее, чем хотелось бы признавать. Просто в последние недели сон стал роскошью, а чужие смерти — единственным, что окончательно выдёргивало меня из собственной головы. Я знала, что это плохой знак. Знала и всё равно открыла дверь.

Переулок перекрыли жёлтой лентой. Синие вспышки мигалок скользили по мокрым кирпичам, превращая их то в чернильные, то в болезненно-бледные. Под навесом стояли

двое патрульных; один говорил по рации, второй курил, пряча сигарету от дождя ладонью. У контейнеров работал криминалист в белом защитном комбинезоне.

— Морозова? — окликнул меня капитан Лебедев, отодвигая ленту. — Хорошо, что быстро приехала.

— Вы сказали, мужчина, без документов?

— Документы нашли в кармане. Артур Белецкий, сорок шесть лет. Финансовый директор фонда «Новый берег». По предварительной информации, приличный человек. Не судим, не замечен, семья, благотворительность. В общем, всё как мы любим.

— А тело?

Лебедев посмотрел на меня с выражением человека, которому не нравилось, что я не поддержала его шутку.

— Вон.

Белецкий лежал на спине, слегка повернув голову к стене. Тёмное пальто промокло и потяжелело от воды. Лицо было серым, губы приоткрыты, на правой скуле темнел небольшой синяк. Ни разбитого носа, ни очевидных следов драки. На вид — человек, который просто устал и прилёг на минуту в неподходящем месте. Я присела рядом, стараясь не задеть ничего вокруг. От тела тянуло холодом и сырой тканью. На запястье виднелись часы с треснувшим стеклом. Ремешок застегнули аккуратно, без следов борьбы. В кармане пальто нашли бумажник, ключи и телефон. Деньги остались на месте.

— Время смерти? — спросила я.

— Судмедэксперт пока не приехал. Но тело холодное, очевидец утверждает, что заметил его около шести. Мог пролежать здесь несколько часов.

Я провела взглядом по стене, по узкому проходу, по мокрому мусору, который ветер загнал под металлический контейнер. Переулок был слишком открытым с одного конца и слишком тёмным с другого. Из окон соседнего здания можно было увидеть почти всё, если знать, куда смотреть. Убийца не обязательно выбирал это место из-за удобства. Иногда место выбирают потому, что хотят, чтобы его нашли.

— Кто вызвал полицию?

— Мужчина из бара. Он на месте, его опрашивают.

Я поднялась и осмотрела пространство ещё раз. Потом заметила то, что не вписывалось в картину: возле левой руки Белецкого, почти прижатая к мокрому асфальту, лежала фотография. Не удостоверение, не случайный снимок из бумажника. Плотная бумага, старый матовый отпечаток, края пожелтели от времени.

— Это уже упаковали? — спросила я.

Криминалист обернулся.

— Только увидел. Не трогал.

Я надела перчатки и подняла фотографию за угол. На ней стояли пятеро людей перед невысоким кирпичным зданием. Снимок был сделан летом: за спинами людей зеленели деревья, солнце оставляло резкие тени под подбородками. Чет-

веро мужчин и одна женщина. Все смотрели в камеру, но улыбался только один — молодой мужчина с рукой на плече женщины. Остальные словно позировали по обязанности.

Три лица были перечёркнуты чёрным маркером. Не торопливо зачёркнуты, не испорчены случайным росчерком. Каждое лицо закрывали несколько плотных линий, наложенных друг на друга. Бумага под чернилами чуть продавилась.

— Странно, — сказал Лебедев у меня за плечом.

— Странно — это когда человек умирает в переулке, а рядом оказывается семейный снимок, — ответила я. — А это оставили специально.

Я перевернула фотографию. На обороте не было ни даты, ни подписи. Только бледный след от наклейки, словно когда-то снимок хранили в альбоме. Я отдала его криминалисту, попросив упаковать отдельно, и достала блокнот.

— Проверьте фонд, — сказала я Лебедеву. — Все контакты Белецкого за последние две недели, банковские операции, звонки, встречи. И запросите камеры на соседних улицах. Не только городские — магазины, парковки, жилые дома.

— Думаешь, это связано с работой?

— Пока думаю, что кто-то хотел оставить нам послание. Не будем делать вид, что не заметили.

Телефон Белецкого включили при мне. Последние сообщения выглядели обыденно: напоминание о встрече, фотография какого-то документа, короткий разговор с женой. Но

в списке звонков за предыдущий вечер был один номер без имени. Три вызова подряд. Первый — в 22:14, второй — через семь минут, третий длился меньше десяти секунд.

— Пробейте номер, — сказала я.

Лебедев кивнул и отошёл к патрульным. Я ещё раз посмотрела на фотографию, уже запечатанную в прозрачный пакет. Пятеро людей, одно здание и три перечёркнутых лица. На снимке оставались двое — женщина и мужчина, который улыбался. Я не могла объяснить почему, но именно его выражение лица казалось мне самым неприятным. Не самоуверенным, не радостным. Скорее, он знал что-то, чего не знали остальные. В такие моменты я всегда вспоминала старое правило: не доверять первой версии, даже если она складывается слишком красиво. Особенно если складывается слишком красиво.

К полуночи дождь усилился. Тело увезли, криминалисты закончили работу, а переулок постепенно вернулся к своей обычной безликости. Остались мокрая лента, следы обуви и мусор, который ветер гонял вдоль стены. Я стояла под навесом и читала предварительную сводку, когда Лебедев протянул мне стаканчик кофе.

— Номер оформлен на одноразовую сим-карту, — сказал он. — Но оператор подтвердил, что телефон находился в районе фонда вчера вечером. Больше пока ничего.

— А камеры?

— На соседнем перекрёстке одна работает. Запись уже за-

просили.

Я сделала глоток. Кофе был горьким и почти холодным. На секунду мне показалось, что вечер ничем не закончится: отчёты, звонки, допрос очевидца, бессмысленные формулировки в протоколе. Очередной человек, который не вернётся домой. Очередная семья, которой завтра придётся узнать, что привычная жизнь закончилась без предупреждения. Я знала, как выглядит чужое горе в первые минуты. Кто-то плачет, кто-то задаёт один и тот же вопрос, кто-то цепляется за детали — во сколько он вышел, что ел на завтрак, почему не ответил на сообщение. Люди ищут порядок там, где его больше нет. Я не могла дать им объяснение сразу. Могла только обещать, что попробую найти его.

И всё же фотография не давала мне покоя. Я открыла на телефоне снимок, который криминалист сделал до упаковки. Увеличила изображение, разглядывая фон. На здании не было вывески, только узкая табличка над входом. Разрешение камеры оказалось слишком низким, но я различила несколько букв и эмблему, похожую на раскрытый круг. Я отправила снимок в отдел аналитики и попросила проверить старые учреждения, закрытые примерно двенадцать лет назад.

Ответ пришёл через двадцать минут. Один из аналитиков нашёл совпадение по эмблеме в газетном архиве: реабилитационный центр «Северная гавань». Учреждение прекратило работу после пожара. В официальном отчёте значились два погибших, несколько пострадавших и отсутствие

признаков умышленного поджога. Дело закрыли быстро — слишком быстро, если судить по скудости материалов. Я перечитала короткую справку. Двенадцать лет назад. Пожар. Закрытый центр. Пятеро людей на фотографии. Двое оставшихся лиц. Три перечёркнутых.

— Нашла что-то? — спросил Лебедев.

— Возможно. Проверь, был ли Белецкий связан с «Северной гаванью». Не только официально. Любые пожертвования, договоры, фамилии сотрудников. И подними материалы о пожаре.

— Двенадцатилетней давности?

— Именно.

Он хотел спросить ещё что-то, но передумал, когда увидел моё лицо. Я и сама не понимала, почему внутри постепенно нарастает тревога. Не страх — пока нет. Скорее ощущение, будто я открыла дверь в комнату, где давно никто не был, и почувствовала, что в темноте кто-то стоит.

Я вышла к машине и уже собиралась уехать, когда телефон завибрировал. Сообщение пришло с неизвестного номера. Ни приветствия, ни подписи — только фотография. На ней был тот самый переулок. Тело Белецкого ещё лежало на асфальте, вокруг работали люди в защитных комбинезонах. Снимок был сделан сверху, под углом, которого не могла дать ни одна из камер, указанных в предварительном плане места происшествия. Кто-то находился достаточно близко, чтобы видеть работу следствия, и достаточно незаметно,

чтобы остаться вне поля зрения. Я медленно подняла голову. На другой стороне улицы тянулся ряд тёмных окон. На крыше соседнего здания горел красный огонёк сигнальной лампы. Проезжая часть блестела от дождя. Никого.

Под фотографией появилась короткая фраза:

«Вы снова ищете не там, Вера».

Я перечитала сообщение. Потом ещё раз — уже медленнее. Не «детектив», не «следователь», не фамилия. Только имя. Так, словно мы были знакомы. Так, словно он имел право обращаться ко мне без формальностей.

Я набрала номер, с которого пришло сообщение. Абонент недоступен. Через секунду экран погас, и в чёрном стекле отразилось моё лицо — бледное, усталое, с напряжённой линией рта. Я поймала себя на том, что оглядываюсь через плечо. Мне не нравилось, когда кто-то знал обо мне больше, чем я позволяла. Ещё меньше мне нравилось, что неизвестный человек только что доказал: он наблюдал за местом преступления, пока мы работали, и, возможно, следил за мной задолго до сегодняшнего вечера.

Я сохранила сообщение, отправила скриншот в отдел и завела двигатель. Дождь продолжал стучать по крыше, будто кто-то терпеливо отсчитывал секунды.

На первом перекрёстке я посмотрела в зеркало заднего вида. За мной двигались две машины. Одна свернула направо. Вторая остановилась на красный свет. Никаких доказательств, никаких оснований считать, что меня преследуют.

Я заставила себя смотреть на дорогу. Но у перекрёстка, за мутным стеклом остановки, стоял мужчина в чёрном пальто. Он не прятался под козырьком и не пытался укрыться от дождя. Лицо скрывала тень, а расстояние не позволяло рассмотреть черты. Когда загорелся зелёный, я проехала мимо. В зеркале он не двинулся с места. Я не знала, был ли это тот самый человек с записи. Не знала, кто зачеркнул три лица на старой фотографии и почему Белецкий умер с этим снимком рядом. Не знала даже, связано ли сообщение с убийством или кто-то просто воспользовался случаем, чтобы вывести меня из равновесия. Но впервые за долгое время мне захотелось, чтобы дело оказалось простым.

Хотя я уже понимала, что оно таким не будет.

Глава 2. Человек на записи

Утро встретило меня серым небом и головной болью, которая начиналась где-то за левым глазом и медленно расползалась к виску. Я спала чуть больше трёх часов. Этого хватило, чтобы перестать видеть в темноте силуэты, но недостаточно, чтобы убедить организм, будто ночь действительно закончилась. На кухне отдела пахло пережжённым кофе, мокрыми куртками и вчерашней едой. Я поставила стаканчик под кофемашину и уставилась на тонкую струю тёмной жидкости. В голове крутилась фраза из сообщения: «Вы снова ищете не там, Вера». Не «вы ошибаетесь». Не «оставьте это дело». Снова. Слово, которое превращало неизвестного отправителя из случайного психа в человека, знавшего обо

мне больше, чем должен был.

— Ты выглядишь так, будто пыталась допросить собственную подушку и проиграла, — сказал Илья.

Он появился в дверях с двумя бумажными пакетами из пекарни. На нём была тёмно-синяя рубашка, рукава закатаны до локтей; волосы ещё влажные после душа или дождя. Илья Соколов умел выглядеть собранным даже в те дни, когда всё вокруг рушилось. Иногда это раздражало. Иногда спасало.

— Подушка отказалась сотрудничать, — ответила я. — Пришлось перейти к кофе.

Он положил один пакет передо мной. Внутри оказался круассан с сыром — мой обычный выбор, хотя я не помнила, когда в последний раз заказывала его при Илье.

— Ты вчера уехала после полуночи? — спросил он, наливая себе кофе.

— Да.

— И получила что-нибудь кроме фотографии?

Я посмотрела на него поверх стаканчика. Вопрос прозвучал естественно: мы вместе вели дело, и он имел право знать о новых уликах. И всё же я заметила, что он не спросил, как я добралась домой, и не поинтересовался, удалось ли мне поспать. Он сразу перешёл к делу. Может, я искала подозрительность там, где её не было. После бессонной ночи мозг любит заполнять пробелы самыми неприятными версиями.

— Пока нет. Камеры с перекрёстка уже прислали?

— Лебедев обещал утром.

— Тогда не будем тратить время на обещания.

Я забрала кофе и пошла к своему столу. Илья последовал за мной, но не стал расспрашивать. За это я была ему благодарна — и тут же устыдилась собственной благодарности. В нормальной команде люди не должны заслуживать право на молчание. На мониторе меня ждала запись с городской камеры. Изображение было зернистым, дождь превращал улицу в блестящую полосу, а прохожие оставляли за собой смазанные тени. Техник отметил временной промежуток с 21:40 до 23:30. Я попросила увеличить яркость и отмотала к моменту, когда, по предварительным данным, Белецкий ещё был жив.

Первые сорок минут ничего не происходило. Машины проезжали мимо, двое подростков прятались под одним капюшоном, курьер остановился у витрины и долго пытался застегнуть сумку. Потом в кадре появился Белецкий. Он шёл быстро, прижимая к боку тонкую папку. Остановился у входа в здание фонда, посмотрел на телефон и набрал номер. Разговор длился меньше минуты. После этого он не вошёл внутрь, а направился к переулку. Я вернулась на несколько секунд назад. Белецкий не выглядел испуганным. Скорее раздражённым — так, как раздражаются люди, которым приходится выполнять неприятное обязательство. У входа он оглянулся через плечо, словно проверяя, не идёт ли кто-нибудь следом.

— Вот это уже интересно, — пробормотала я.

Илья придвинул стул. Мы посмотрели запись ещё раз, за-

тем замедлили изображение. За Белецким шёл мужчина в длинном тёмном пальто. Не вплотную — через дорогу, выдерживая расстояние между ними. Он держал голову чуть опущенной, но не настолько, чтобы лицо полностью скрывалось от камеры. Когда Белецкий свернул в переулок, мужчина остался у светофора.

— Может быть, обычный прохожий, — сказал Илья.

— Может быть. Но он появляется в кадре за четыре минуты до Белецкого и уходит сразу после того, как тот исчезает за углом.

— Ты считаешь, он его убил?

— Я считаю, что он знал, куда Белецкий направится.

Мы просмотрели следующие двадцать минут. В 22:17 мужчина вернулся в кадр. Теперь он шёл с другой стороны улицы, без папки, и остановился возле витрины закрытого магазина. Несколько секунд смотрел на отражение в стекле. Потом повернул голову — прямо к камере. Я почувствовала, как пальцы непроизвольно сжались вокруг стаканчика. Изображение было слишком плохим, чтобы различить глаза, но выражение лица всё равно читалось. Он не просто заметил камеру. Он смотрел в неё с тем спокойствием, которое бывает у людей, уверенных, что их всё равно не смогут остановить.

— Чёрт, — выдохнул Илья.

— Увеличь участок с лицом. И проверь соседние камеры: парковки, магазины, подъезды. Если он знает, где находится

объектив, он мог обойти остальные.

— Уже отправляю запрос.

На следующем фрагменте мужчина исчезал за припаркованным фургоном и больше не появлялся. Ни номера машины, ни чёткого профиля, ни примет, которые можно было бы уверенно внести в ориентировку. Только тёмное пальто, высокий рост и привычка смотреть туда, где его не должны были заметить. Я распечатала стоп-кадр и прикрепила его рядом с фотографией пятерых людей. Две картинки смотрелись почти нелепо: старый летний снимок, испорченный чёрными линиями, и размытый кадр незнакомца под дождём. Между ними пока не было связи. Но я уже чувствовала, что связь существует, просто мы ещё не нашли правильный вопрос.

В кабинет заглянул капитан Лебедев. Он держал в руках тонкую папку и выглядел так, будто с утра уже успел поругаться с тремя начальниками и одним принтером.

— По Белецкому есть первые результаты. Экспертиза подтверждает удушение. Следов борьбы почти нет, зато на воротнике обнаружены микроволокна, которые не совпадают с его одеждой. Телефонный номер пока ведёт в никуда. И ещё — нашли второго человека с фотографии.

Я поднялась так резко, что стул ударился о стену.

— Кто?

— Григорий Мельник. Пятьдесят три года. В прошлом — технический сотрудник «Северной гавани», после пожа-

ра работал в нескольких частных клиниках. Последние семь лет числился консультантом в центре реабилитации на окраине. Сегодня утром его обнаружили мёртвым.

На секунду кабинет словно потерял звук. Я слышала, как за стеной звонит телефон, как кто-то смеётся в коридоре, как Илья перестал двигать мышью. Два тела за несколько часов. Оба связаны с одним учреждением, которое официально перестало существовать двенадцать лет назад.

— Где? — спросила я.

— В квартире. Район старого порта. Патруль уже на месте. Судмедэксперт выехал.

— Почему мы узнаём об этом только сейчас?

— Потому что сообщение пришло двадцать минут назад, Морозова. Я не могу ускорить время.

Я схватила пальто и папку со стоп-кадром. Лебедев успел отступить в сторону, когда я прошла мимо него.

— Вера, — окликнул Илья. — Мы едем вместе.

— Я и не собиралась оставлять тебя в офисе.

Квартира Мельника находилась в старом доме возле порта — там, где новые стеклянные здания соседствовали с кирпичными складами, а ветер приносил запах солёной воды, ржавого металла и дизельного топлива. Дождь наконец прекратился, но город не успел высохнуть. Водосточные трубы продолжали капать, под ногами хлюпали лужи, а низкие облака цеплялись за крыши так, будто не хотели выпускать улицы из своих рук.

У подъезда стояла скорая без включённых маячков. Двое полицейских пропускали жильцов по одному; пожилая женщина в домашнем кардигане спорила с патрульным, требуя объяснить, почему ей нельзя подняться к себе. В воздухе висело то напряжение, которое всегда появляется в доме, где кто-то умер не своей смертью: любопытство, страх и тайная надежда, что беда ограничится чужой квартирой.

Мельник жил на четвёртом этаже. Дверь в квартиру была открыта, у порога лежали бахилы и несколько пластиковых упаковок. Внутри пахло пылью, лекарствами и подгоревшим тостом. На кухонном столе стояла кружка с недопитым чаем. Рядом лежал раскрытый ежедневник, в котором аккуратным почерком были записаны покупки и время приёма таблеток. Сам Мельник сидел на полу у дивана, прислонившись спиной к обивке. Голова была чуть запрокинута, глаза закрыты. На первый взгляд он выглядел человеком, который уснул не в том месте. Только синюшная полоска у основания шеи нарушала эту иллюзию.

— Следов взлома нет, — доложил молодой оперативник. — Соседка слышала, как около одиннадцати кто-то звонил в дверь. Мельник открыл сам. Она слышала мужские голоса, но слов не разобрала. Через полчаса в квартире стало тихо.

— Камеры в подъезде?

— Не работают. Управляющая компания обещает починить их с прошлого года.

— Удобно, — сказала я.

Оперативник не понял, шучу ли я, и промолчал.

Я не стала сразу подходить к телу. Сначала осмотрела комнату. Мебель стояла ровно, книги на полках были расставлены по размеру, на подоконнике — три горшка с сухой землёй. На стене висел выцветший диплом о профессиональной переподготовке. Мельник явно не был богатым человеком, но поддерживал порядок с той настойчивостью, которая иногда заменяет ощущение безопасности. На журнальном столике лежал телефон с разбитым углом экрана. Рядом — очки, пульт и тонкий конверт без адреса. Он был пуст. Я проверила края, не касаясь бумаги голыми руками, и позвала криминалиста.

— На шее похожие следы, — сказала я, когда эксперт закончил первичный осмотр. — Но пока ничего не утверждаем.

— По предварительной оценке, смерть наступила ночью, — ответил он. — Точнее скажу после вскрытия. На руках есть небольшие ссадины, но они могут быть старыми.

Я посмотрела на лицо Мельника. В отличие от Белецкого, он не выглядел удивлённым. В его выражении застыло что-то усталое, почти смиренное. Возможно, это была лишь игра теней. Возможно, перед смертью он понял, кто пришёл за ним, и не стал тратить силы на сопротивление.

— Осмотрите все комнаты, — приказала я. — Ищем документы, фотографии, записки, любые следы недавней уборки. Проверьте мусор и раковины. Если кто-то хотел что-то

забрать, он мог не успеть убрать всё.

Илья стоял у книжного шкафа. Он вытащил тонкую папку, просмотрел несколько листов и нахмурился.

— Вера, посмотри.

В папке были распечатки старых новостей о пожаре в «Северной гавани», список сотрудников и несколько страниц с именами пациентов. Часть фамилий обведена карандашом. Среди них — Артур Белецкий. Рядом с его именем стояла дата, а ниже, в отдельной колонке, короткая запись: «Финансы / выплаты после закрытия». Я наклонилась ближе. На последней странице был список из пяти фамилий. Три зачёркнуты чёрной ручкой. Две оставались нетронутыми. Фотография. Та же структура, тот же выбор, только здесь имена были напечатаны, а не изображены. Я пересчитала фамилии ещё раз, надеясь, что усталость заставляет меня видеть совпадения. Нет. Пять человек. Три перечёркнуты.

— Значит, снимок был не единственным, — произнёс Илья.

— И Мельник знал, что означает список.

Внизу страницы стояло имя, которое не было ни зачёркнуто, ни обведено: доктор Аркадий Левин. Под ним — нынешняя должность, напечатанная на старом бланке фонда «Новый берег»: председатель попечительского совета. Я знала это имя. Левин регулярно появлялся в новостях: открывал благотворительные центры, выступал на конференциях, пожимал руки чиновникам и рассказывал о необходимости

поддерживать людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. На фотографиях он всегда выглядел безупречно — седина, спокойная улыбка, ладони, сложенные перед собой. Человек, которому доверили бы ребёнка, ключи от кабинета и чужую исповедь.

— Он руководил «Северной гаванью»? — спросила я.

— В документах указан как медицинский директор. После пожара его имя исчезает из отчётов, а через год он появляется в совете фонда, — ответил Илья. — Надо проверить, почему.

— Нет. Надо проверить, кто именно решил, что нам не нужно это знать.

Я сфотографировала страницы и передала папку криминалисту. Когда он поднял её, изнутри выпал маленький клочок бумаги. На нём было написано всего одно слово: «Четвёртый». Мы с Ильёй одновременно посмотрели на список. Четыре фамилии были отмечены разными способами: три зачёркнуты, одна обведена карандашом. Но «четвёртый» мог означать что угодно — четвёртую жертву, четвёртого человека на фотографии, четвёртого в списке. Или предупреждение, что счёт уже идёт.

— Это мог написать сам Мельник, — сказал Илья.

— Или тот, кто оставил ему список.

Я убрала фотографию клочка в отдельный пакет. На обороте не было отпечатков, которые можно было бы увидеть без экспертизы. Слова написаны печатными буквами, с на-

жимом, почти без наклона. Тот, кто их оставил, хотел, чтобы их прочитали. Но не хотел, чтобы по почерку его нашли.

В коридоре кто-то громко захлопнул дверь. Я вздрогнула, и это разозлило меня сильнее, чем должно было. Я не боялась убийцы. Я боялась оказаться на шаг позади — снова. В моей работе опоздание редко измерялось минутами. Чаще оно измерялось тем, кто уже не мог рассказать свою версию.

Когда мы вышли из квартиры, дождь снова начал накрапывать. У подъезда стоял журналист с камерой, хотя полиция ещё не подтвердила даже имя погибшего. Он разговаривал по телефону, прикрывая микрофон ладонью, и смотрел на окна четвёртого этажа. Я запомнила его лицо, но не остановилась: сейчас мне нужны были документы, а не очередная утечка в новостях.

В машине Илья молчал почти всю дорогу. Только у перекрёстка он спросил:

— Ты думаешь, нас ведут к Левину?

Я смотрела на мокрые фасады и на людей, которые перебегали улицу под зонтиками, не замечая друг друга.

— Я думаю, кто-то очень хочет, чтобы мы увидели именно эту цепочку. Белецкий, Мельник, старый центр, Левин. Это может быть правдой. А может быть аккуратно составленной версией, в которой нам оставили ровно столько свободы, сколько нужно, чтобы прийти к нужному человеку.

— Тогда что мы делаем?

— Проверяем каждую деталь, даже ту, которая нам не

нравится.

В отделе нас ждал пакет с распечатками. Камеры у старого порта почти ничего не дали: дождь, блики, слепые зоны. Но на записи из круглосуточной аптеки через дорогу от дома Мельника удалось различить тёмную машину, припаркованную за двадцать минут до предполагаемого убийства. Номер закрывала грязь или намеренно нанесённая плёнка. Водитель не выходил. После полуночи автомобиль тронулся и свернул в сторону набережной.

Я попросила проверить модель и маршрут по всем доступным камерам. Затем открыла кадр с мужчиной у магазина. Он снова смотрел прямо в объектив. В этот раз я заметила деталь, которую пропустила ночью: на правой руке у него была перчатка, а левая оставалась голой. На запястье виднелась светлая полоса, будто он долго носил часы или браслет. Мелочь. Возможно, бесполезная. Но расследования редко складываются из громких признаний. Чаще — из вещей, которые все остальные сочли незначительными.

К вечеру я перебрала архивные публикации о «Северной гавани». В официальных материалах центр называли учреждением для людей с зависимостями и тяжёлыми психологическими нарушениями. В газетных заметках после пожара писали о нарушениях безопасности, но никто не задавал вопроса, почему часть пациентов не значилась в списках эвакуированных. Два погибших, шесть пострадавших, здание признано непригодным к восстановлению. Дело закрыли че-

рез четыре месяца. Четыре месяца на пожар, в котором исчезли документы и, возможно, люди. Четыре месяца, чтобы опросить персонал, проверить финансовые отчёты, установить причины возгорания. На бумаге всё выглядело убедительно. В реальности — слишком гладко.

Я нашла старую фотографию Левина возле обгоревшего здания. Он стоял среди спасателей, на его пальто была пыль, а лицо казалось измученным. На заднем плане виднелась женщина в светлом плаще. Её лицо было закрыто газетной складкой. Я сохранила снимок и увеличила его, но качество не позволяло разобрать черты.

Телефон завибрировал. Сообщение с неизвестного номера. На этот раз без текста — только изображение в высоком разрешении.

Я открыла файл. На фотографии была моя собственная машина, припаркованная у отдела этим утром. Снимок сделан с уровня второго этажа, из окна соседнего здания. Я узнала царапину на заднем крыле и бумажный пропуск под лобовым стеклом. На пассажирском сиденье лежала папка с материалами дела — та самая, которую я забрала из дома и не успела отнести в архив. Кто-то видел, как я приехала. Кто-то знал, что папка находится в машине. И кто-то мог подойти к ней достаточно близко, чтобы прочитать надпись на обложке.

Я встала и подошла к окну. Через дорогу тянулся ряд офисных помещений с тёмными стёклами. В одном из окон

отражался вечерний свет, но внутри не горело ни одной лампы. На тротуаре шли люди, водитель такси ругался с велосипедистом, курьер поправлял лямку рюкзака. Ничего необычного. Ни одной фигуры, которую можно было бы уверенно назвать наблюдателем.

Следом пришло сообщение:

«Не доверяйте записи целиком».

Я перечитала его дважды. Потом открыла первый кадр с мужчиной и снова посмотрела на его лицо. Не доверять записи целиком — значит, часть её настоящая, а часть изменена? Или человек хотел, чтобы я усомнилась в единственной зацепке, которая у нас была? Я позвонила технику и попросила сохранить оригинальный файл, проверить метаданные и исключить монтаж. После этого позвонила Лебедеву и попросила поставить у моей машины пост наблюдения — не потому, что собиралась прятаться, а потому, что не собиралась позволять неизвестному человеку решать, насколько близко он может подойти.

— Ты уверена, что это не чей-то глупый розыгрыш? — спросил Лебедев.

— Нет. Но если это розыгрыш, у него слишком хороший доступ к материалам следствия.

Я закончила разговор и посмотрела на распечатанный кадр. Мужчина на записи не двигался, не улыбался, не угрожал. Он просто смотрел. И от этого спокойствия становилось не по себе: угрозу можно услышать, к ней можно подгото-

виться. Гораздо труднее справляться с человеком, который не считает нужным объяснять, что собирается сделать.

Домой я поехала другим маршрутом. На каждом светофоре проверяла зеркала, но не позволяла себе резко менять полосу или оборачиваться на каждый тёмный автомобиль. Паранойя — тоже разновидность ловушки. Если кто-то хотел сделать меня подозрительной ко всему вокруг, я не собиралась облегчать ему задачу. У подъезда было тихо. На лестничной площадке пахло мокрой штукатуркой и чьим-то ужином. Я закрыла дверь на два замка, проверила окна и только после этого сняла пальто. Квартира казалась слишком маленькой для всех мыслей, которые я принесла с собой.

На столе лежал блокнот. Я открыла его и записала четыре пункта: Белецкий. Мельник. Левин. Мужчина на записи. Под ними добавила пятый: «Четвёртый». Обвела слово, потом зачеркнула круг — не хотелось заранее решать, что оно означает.

В полночь пришёл ответ от технического отдела. Файл с камеры не был смонтирован. Временные метки соответствовали серверу, однако один короткий участок записи пропал из-за сбоя передачи данных. Пропуск длился ровно сорок семь секунд — как раз в тот промежуток, когда мужчина исчезал за фургоном.

Я медленно опустила телефон на стол. Сорок семь секунд могли ничего не значить. Потеря сигнала, повреждённый пакет, неисправность оборудования. Но сегодня уже два чело-

века были мертвы, рядом с одним из них нашли список, а неизвестный отправитель знал, где я паркую машину. Случайности начали собираться в систему, и я не могла позволить себе считать это совпадением только потому, что альтернативное объяснение мне не нравилось.

Я выключила свет и подошла к окну. Внизу, возле противоположного тротуара, стоял чёрный автомобиль. Двигатель был выключен. Стёкла отражали фонари, скрывая салон. Я не могла сказать, видел ли меня водитель, если он вообще был внутри. Я осталась у окна ещё на несколько секунд. Потом отступила в глубину комнаты и закрыла шторы.

На этот раз я не стала убеждать себя, что мне показалось.

Глава 3. Наблюдатель

Я проснулась за минуту до звонка будильника — резко, без перехода от сна к бодрствованию, будто кто-то произнёс моё имя прямо у изголовья. Комната была тёмной. За шторами дрожал свет уличного фонаря, а на стекле медленно ползли капли: дождь вернулся ночью и теперь царапал подоконник мелкими, настойчивыми пальцами. Несколько секунд я лежала неподвижно, прислушиваясь к квартире. Холодильник гудел на кухне, трубы постукивали в стене, этажом выше

кто-то передвигал мебель. Обычные звуки. Обычное утро. Я заставила себя выдохнуть и потянулась к телефону.

Новых сообщений не было. Только вчерашнее: «Не доверяйте записи целиком». Под ним — фотография моей машины, сделанная с чужого окна. Я не удалила её и не собиралась. Иногда страх лучше держать перед глазами: тогда он перестаёт быть бесформенным и превращается в задачу.

К семи я уже была одета. Взяла из шкафа тёмный свитер, джинсы и пальто, проверила сумку, документы, ключи. Потом вернулась в прихожую и ещё раз посмотрела на замок. Смешно. Человек, который привык искать чужие ошибки, способен потратить пять минут на проверку собственной двери — и всё равно сомневаться, правильно ли повернул ключ. У подъезда меня встретил сырой ветер. Небо над городом было низким, почти металлическим; дома казались выцветшими, а асфальт отражал вывески магазинов, которые ещё не открылись. Я пошла к машине, не ускоряя шага. На противоположной стороне улицы мужчина в сером капюшоне стоял возле газетного киоска и смотрел в телефон. Когда я повернула голову, он поднял глаза.

Наши взгляды встретились всего на секунду. Он отвернулся первым. Я не стала подходить к нему. Не стала и делать вид, будто не заметила. Просто открыла машину, положила сумку на пассажирское сиденье и оглядела улицу в отражении бокового стекла. Мужчина всё ещё стоял у киоска. Потом поднял воротник и пошёл в сторону перекрёстка, не

оглядываясь.

Возможно, он ждал автобус. Возможно, я уже научилась находить наблюдателей в каждом прохожем. Но прежде чем завести двигатель, я сфотографировала его из салона. На снимке получилась размытая фигура, почти лишённая лица. Ничего, что можно было бы предъявить кому-либо. И всё же я сохранила изображение рядом с остальными материалами дела.

В отделе меня встретили шум принтера, запах свежей бумаги и Лебедев, который стоял у кофемашины и спорил с ней так, словно та была свидетелем, отказывающимся давать показания.

— Если ты опять принесла мне новости о трупах, подожди, пока я выпью это, — сказал он, подняв пластиковый стакан.

— Пока только о людях, которые слишком интересуются моим расписанием.

Он перестал улыбаться.

Я рассказала о фотографии машины, пропавших сорока семи секундах и новом сообщении. Не упомянула мужчину у киоска: сначала хотела проверить, не поддалась ли я собственному воображению. Лебедев слушал, уперев ладонь в край стола. Чем дольше я говорила, тем меньше оставалось на его лице привычного раздражения.

— Служебные материалы доступны ограниченному кругу, — произнёс он. — Если кто-то знает, что ты забрала пап-

ку домой, это уже не просто наблюдение. Это утечка.

— Я её не забирала домой.

Он нахмурился.

— Ты сказала, что папка была в машине.

— Была. Я привезла её в отдел и оставила в кабинете, когда мы выехали к Мельнику. После этого она находилась здесь. На снимке видно, что папка лежит на пассажирском сиденье, но фотография могла быть сделана до того, как я приехала на работу.

— Тогда проверим время съёмки. И камеры вокруг парковки. Пока не делай выводов.

— Я и не делаю. Я собираю факты.

Лебедев посмотрел на меня поверх стакана. В его взгляде читалась усталость человека, который давно научился не доверять даже очевидному, но всё ещё надеялся, что мир иногда обходится без сложных объяснений.

— И ещё, Морозова. Если ты действительно думаешь, что кто-то из наших сливает информацию, не начинай самостоятельную игру. Никаких личных проверок, никаких встреч без напарника. Ты меня поняла?

— Поняла.

Я сказала это достаточно спокойно, чтобы он не заметил, как именно поняла его предупреждение: не обещала подчиниться, только подтвердила, что услышала.

Илья пришёл через десять минут. В руках у него был бумажный стакан, на воротнике пальто блестели капли. Он вы-

глядел так, будто ночь прошла для него не лучше, чем для меня, хотя его лицо оставалось собранным.

— Ты уже здесь? — спросил он. — Я думал, ты приедешь позже.

— А почему ты так думал?

Он на секунду задержал взгляд на мне, потом пожал плечами.

— Ты вчера поздно уехала. Предположил, что выспишься.

— Ты следил за моим графиком?

Вопрос вышел резче, чем я планировала. Илья замер, а затем медленно поставил стакан на стол.

— Мы работаем вместе, Вера. Я знаю, когда ты обычно приходишь.

Он был прав. И всё же после нескольких дней, в которые неизвестный человек словно дышал мне в затылок, даже простая осведомлённость звучала двусмысленно.

— Прости, — сказала я. — Плохо спала.

— Это заметно.

Он не стал шутить и не спросил, что случилось. Просто положил рядом со мной распечатку: лаборатория подтвердила, что микроволокна с воротника Белецкого происходят от синтетической ткани, но пока не удалось установить конкретный тип изделия. На телефоне Мельника нашли удалённый вызов, сделанный в 22:06. Номер принадлежал виртуальному оператору и был активирован за несколько дней до смерти.

— Кто-то подготовился заранее, — сказала я.

— Или хотел, чтобы мы так думали.

Я подняла глаза. Илья редко возражал ради самого возражения. Обычно он спорил, когда видел слабое место в версии, и сейчас его осторожность казалась разумной. Но слова из сообщения снова всплыли в памяти: «Не доверяйте записи целиком». Не «не доверяйте Илье». Это различие имело значение. Пока.

Мы провели первую половину дня, собирая прошлое «Северной гавани» по обрывкам. В архиве нашлись три годовых отчёта, список подрядчиков и несколько актов проверок. Большая часть документов выглядела безупречно: подписи, печати, сухие формулировки. За два месяца до пожара центр получил предписание устранить нарушения в системе пожарной безопасности. Через неделю после повторной проверки предписание сняли. Под документом стояла подпись инспектора, который умер пять лет назад.

— Слишком быстро закрыли вопрос, — заметил Илья.

— И слишком удобно: после пожара все нарушения стали неактуальны, потому что здания больше нет.

В списке персонала я нашла ещё одну деталь. Некоторые сотрудники уволились за несколько недель до пожара, другие исчезли из отчётности сразу после него. Среди них был Даниэль Кросс — ночной санитар, которого в газетных материалах называли одним из свидетелей. В официальном заключении значилось, что он покинул город. Ни адреса, ни

нового места работы.

— Найди его, — сказала я. — Начни с родственников, старых регистраций, любых следов. И проверь, фигурировал ли Кросс в делах после закрытия центра.

Илья записал имя, но не стал сразу открывать базу. Он смотрел на документ, словно пытался вспомнить что-то, что никак не хотело складываться.

— Ты раньше слышал о нём? — спросила я.

— Нет. Просто фамилия знакомо звучит.

Я ждала продолжения. Оно не последовало.

После обеда мы разошлись по разным задачам. Илья отправился в архив, а я поехала на парковку, где утром сделали снимок моей машины. Соседнее здание занимала бухгалтерская фирма; на втором этаже были окна с видом на служебные места. Охранник долго искал журнал посетителей, потом сообщил, что вчера после шести в офисе оставались два сотрудника. Один ушёл около восьми, второй — почти в десять. Уборщица пришла в половине одиннадцатого.

— Камеры есть? — спросила я.

— В коридоре. На улицу не смотрят.

— А окна?

Он посмотрел на меня так, словно я предложила допросить стеклопакет.

— Окна не записывают.

— Жаль.

Я осмотрела фасад с тротуара. Второй этаж был достаточ-

но низко, чтобы человек мог снять машину на телефон, не используя профессиональную технику. На подоконнике одного окна стояла кружка, рядом — пепельница. За стеклом не двигалось ни одной тени. Никаких доказательств, только возможность. А возможности в расследовании опасны: они так легко принимают форму истины, если очень хочется найти ответ.

Когда я вернулась в машину, на лобовом стекле лежал сложенный вдвое лист бумаги. Я не прикоснулась к нему сразу. Осмотрела стекло, дворники, края капота. Никто не подходил к автомобилю в поле моего зрения. Лист был сухим, хотя вокруг всё оставалось влажным. Значит, его положили недавно или держали под одеждой. Внутри находилась распечатка страницы из моего служебного дела. Фотография, должность, дата назначения, перечень завершённых расследований. Ни одного секретного документа — всё это могло быть доступно сотруднику отдела. Внизу чёрной ручкой было добавлено: «Ты помнишь, чем закончилась последняя ошибка?»

Я перечитала фразу. В горле возникло неприятное сжатие, знакомое не по страху, а по стыду. Три года назад я закрыла дело, поверив показаниям человека, который умел выглядеть убедительным. Позже выяснилось, что ключевое доказательство было подменено. Подозреваемый вышел на свободу, а свидетель, которого должны были защитить, погиб прежде, чем успел дать новые показания.

Я не была единственной, кто допустил ошибку. Но я была той, кто подписал итоговое заключение. С тех пор я проверяла каждую мелочь по дважды, иногда по три раза, и не позволяла себе забыть имя погибшего. Не потому, что считала себя чудовищем. Потому что не хотела однажды снова решить, будто достаточно хороша, чтобы не ошибаться.

Лист задрожал в моей руке. Я заставила себя положить его в пакет и позвонила Лебедеву.

— Это уже прямое давление, — сказала я, когда он ответил. — Кто-то знает моё личное дело и знает, куда я приехала.

— Возвращайся в отдел. Сейчас.

— Я ещё не закончила здесь.

— Вера, это приказ.

Я закрыла глаза на секунду. Мне хотелось спорить, но в его голосе не было привычной раздражённости. Только тревога, которую он старался спрятать за жёсткостью.

— Хорошо. Еду.

На обратном пути я трижды проверила зеркало заднего вида. Чёрный автомобиль, который стоял у моего дома ночью, не появился. Серый капюшон тоже. Город продолжал жить, не замечая, как в одной машине женщина сжимает руль так крепко, что ноют пальцы, и пытается отделить реальную угрозу от собственных воспоминаний.

В отделе лист сфотографировали и отправили на экспертизу. Бумага была обычной, отпечатки смазаны. На ней об-

наружили следы кофе — несколько мелких бурых пятен возле нижнего края. Это могло быть случайностью. Или человек, который принёс мне лист, пил кофе перед тем, как положить его на стекло. Я невольно вспомнила вчерашнее сообщение, а затем и сегодняшнее утро. Кто-то знал, где я живу, где паркуюсь, что храню в машине и какую ошибку до сих пор считаю своей. Он не просто следил за расследованием. Он изучал меня.

К вечеру Лебедев отпустил меня домой, но попросил оставить телефон включённым и не менять маршрут без предупреждения. Я согласилась — на этот раз по-настоящему. Не потому, что хотела быть послушной. Потому что мне нужно было, чтобы хоть кто-то знал, где я нахожусь, если всё пойдёт не так. Я остановилась в продуктовом магазине по дороге домой. Купила хлеб, молоко и готовый салат, который всё равно, вероятно, не съем. В очереди передо мной пожилой мужчина долго искал мелочь в кармане, а кассир терпеливо ждала. Эта обыкновенная сцена почему-то задела меня сильнее всего за день. Люди продолжали выбирать ужин, ругаться из-за цен, думать о выходных. У них были проблемы, которые помещались в один вечер.

Дома я включила свет в прихожей и сразу поняла, что что-то не так. Не было разбитого замка, вывернутых ящиков или распахнутых дверец. Ничего не перевёрнуто, не сломано, не украдено. Но коврик у входа лежал под другим углом. На тумбе ключи находились не там, где я их оставила утром. И

дверь в кабинет была приоткрыта, хотя я точно помнила, что закрыла её перед уходом. Я осталась на пороге, не снимая пальто. Сердце билось ровно, почти медленно. Иногда тело реагирует на опасность не паникой, а странной ясностью. Я достала телефон, вызвала дежурного и только потом вошла внутрь, стараясь не касаться поверхностей.

— Полиция. Кто-нибудь есть? — громко произнесла я.

Ответа не было.

Я проверила кухню, ванную, спальню. Пусто. Окна закрыты. Балконная дверь заперта. Никаких следов взлома. В кабинете на столе лежала раскрытая папка с моими личными бумагами — не служебными, домашними: старые письма, документы об образовании, копии медицинских справок. Кто-то перебрал их аккуратно, почти бережно, и сложил обратно не в том порядке.

На краю стола стоял бумажный стаканчик кофе. Белый, без логотипа. Крышка была снята и лежала рядом. Кофе внутри остыл, на поверхности застыла тонкая плёнка. Я не могла понять, что тревожило сильнее: сам стаканчик или то, что он стоял на подставке, которую я обычно использовала для книг. Незнакомец не просто проник в квартиру. Он позволил себе устроиться здесь так, будто имел право.

На подоконнике лежала тонкая папка из плотного серого картона. На обложке не было ни имени, ни номера. Я открыла её в перчатках, которые нашла в аптечке. Внутри оказалась копия старого дела о пожаре в «Северной гавани»,

несколько фотографий и распечатка с фамилиями персонала. Среди бумаг лежала ещё одна фотография пятерых людей у кирпичного здания. Та самая, что я видела в первом конверте, только здесь лица не были перечёркнуты. Я задержала дыхание. На обороте аккуратным почерком было написано: «Посмотрите на того, кто остался в тени».

Я изучила снимок. Пятеро людей стояли у бокового входа центра. Слева — молодой мужчина в светлой рубашке, рядом женщина с короткими волосами, потом двое мужчин постарше. Последний человек находился чуть позади остальных, почти скрытый тенью от выступающей стены. Лицо различалось лучше, чем на первой фотографии, но всё равно было неясным. Его рука лежала на плече женщины. Не жест дружбы — слишком тяжёлый, слишком собственнический. Я перевернула снимок, надеясь найти дату, место или подпись. Ничего. Только в самом нижнем углу стояли две буквы: «М. В.»

Я ещё раз осмотрела папку. В ней не было ни записки с угрозой, ни объяснения, кто её оставил. Человек проник в мой дом, выпил кофе или принёс его с собой, перелистал мои бумаги и оставил материалы, которые могли помочь расследованию. Это не походило на обычное запугивание. Скорее, на приглашение — сделанное так, чтобы я не могла отказаться, не потеряв важную зацепку.

Звонок в дверь заставил меня резко обернуться. Я отступила от стола и посмотрела в глазок. На площадке стоял

Илья. Без зонта, с мокрыми волосами и бумажным пакетом в руке.

Я не открыла сразу.

— Вера? — позвал он. — Я звонил. Ты не отвечаешь.

Я взглянула на телефон. Три пропущенных от него, один от Лебедева. Я не слышала ни одного. На секунду мне захотелось оставить дверь закрытой и спросить через неё, откуда он знает, что я дома. Но он мог просто приехать после моей тишины, как поступил бы любой напарник.

— Что случилось? — спросила я, не открывая.

— Я нашёл адрес Даниэля Кросса. Вернее, старый адрес. Он жил в доме на набережной, недалеко от квартиры Мельника. Хотел рассказать лично. Ты в порядке?

Я посмотрела на папку, на стаканчик, на бумаги, разложенные по столу. Потом открыла дверь, но осталась в проёме.

— Ты был здесь раньше? Сегодня?

Илья нахмурился.

— Нет. Я только что приехал. Почему?

Я не ответила сразу. Он заметил моё лицо, затем заглянул через плечо и увидел комнату. Его рука с пакетом опустилась.

— Кто-то был в квартире?

— Похоже на то.

Илья не стал спрашивать, почему я не вызвала его первым. Он достал телефон и позвонил Лебедеву, сообщив о

проникновении. Пока он говорил, я наблюдала за ним, пытаясь уловить хоть что-нибудь — заминку, слишком быстрый взгляд на папку, едва заметное напряжение. Но он выглядел испуганным и злым. Возможно, искренне. Возможно, умело.

— Нам нельзя ничего трогать, — сказал он, закончив разговор. — Дождёмся криминалистов.

— Я уже открыла папку.

— Конечно, открыла, — ответил он, и в его голосе мелькнуло что-то почти привычное, усталое. — Ты же Вера.

На секунду мне захотелось улыбнуться. Не получилось. Пока мы ждали патруль, я показала ему фотографию. Илья внимательно рассмотрел её, задержав взгляд на человеке в тени.

— Ты знаешь эти инициалы? — спросила я.

— М. В.? Нет.

Он ответил слишком быстро — или мне так показалось. Я не могла обвинять человека только за скорость ответа. Не после того, как весь день пыталась не превращать каждую мелочь в улику.

— А лицо?

— Не узнаю.

Я убрала снимок в папку. За окном по стеклу ползли дождевые дорожки, расплывая отражения фонарей. В квартире пахло холодным кофе и чужим присутствием. Мне хотелось вымыть стол, открыть окна, проветрить каждую комнату, но я знала, что это уничтожит следы. Пришлось стоять посреди

собственного дома и терпеть ощущение, будто кто-то оставил здесь не вещи, а часть своего взгляда. Когда криминалисты закончили осмотр, они подтвердили: замок не повреждён, следов взлома нет. Кто-то мог воспользоваться дубликатом ключа или попасть внутрь через дверь, пока она была открыта. Последнее я исключала: утром закрывала её сама. На стаканчике нашли отпечаток, но он оказался смазанным; пригодного материала для сравнения пока не было.

Папку забрали на экспертизу, предварительно сфотографировав каждый лист. Мне оставили копии снимков и список фамилий. Илья предложил отвезти меня к нему или вызвать охрану на ночь. Я отказалась от обоих вариантов. Не хотела прятаться. И не хотела, чтобы человек, проникший в мой дом, решил, будто добился этого.

— Тогда хотя бы поменяй замок завтра утром, — сказал Илья у двери. — И не оставайся одна, если снова что-нибудь услышишь.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что это повторится.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Я говорю так, потому что уже повторилось дважды.

В его логике не было ошибки. Я устала искать её там, где её могло не быть. Когда Илья ушёл, я закрыла дверь и повернула ключ два раза. Потом ещё раз проверила ручку. В кабинете остался слабый кофейный запах, и я вдруг поняла, что больше не могу его выносить. Я открыла окно на несколько минут, впуская сырой воздух, и тут же закрыла, потому что

холод пробрался под ворот свитера.

Телефон завибрировал в ладони. Неизвестный номер. Одно сообщение:

«Не доверяйте своему напарнику».

Я долго смотрела на экран. Фраза была короткой и почти безупречной в своей жестокости. Она не доказывала, что Илья виновен. Она лишь заставляла меня представить, как легко человек, которому я доверяла годами, мог оказаться частью чужой игры.

Я набрала ответ: «Кто вы?»

Палец завис над кнопкой отправки. Потом я стёрла текст. Если человек хотел разговора, он бы назвал себя. Если хотел управлять мной — ждал именно ответа, любой реакции, подтверждения, что сумел задеть. Я сохранила сообщение и выключила звук телефона. На столе раскрыла блокнот и записала три вопроса: кто имеет доступ к моему делу; кто знает о старой ошибке; кто мог войти в квартиру без взлома. Под ними добавила четвёртый: почему мне оставили фотографию, которая помогает расследованию?

Ответа не было. Но теперь я знала, что неизвестный наблюдатель не просто следит за моими действиями. Он выбирает, что мне показать, какую память вскрыть и кому заставить меня перестать доверять.

Перед сном я ещё раз посмотрела на фотографию. Человек в тени оставался почти неразличимым, однако чем дольше я вглядывалась, тем сильнее казалось, что он стоит не по-

зади остальных, а отдельно от них. Не участник общей фотографии, а тот, кто решил остаться за границей света.

Я погасила лампу. На этот раз не подошла к окну и не стала искать внизу чёрную машину. Мне нужно было поспать хотя бы несколько часов, прежде чем снова выйти на улицу и начать задавать вопросы. Завтра я найду Даниэля Кросса. Проверю прошлое Ильи. И выясню, кто такой М. В.

Но даже лёжа в темноте, я не могла отделаться от мысли, что кто-то уже знает, какой вопрос я задам первым.

Глава 4. Марк Вейл

Я не любила людей, которые оставляли мне загадки вместо ответов.

Загадки были хороши в книгах, где автор заранее знал, чем всё закончится. В жизни они означали, что кто-то держит в руках больше информации, чем ты, и намеренно решает, сколько именно тебе позволено узнать. А я слишком хорошо помнила, к чему приводит чужое решение за тебя.

В половине девятого утра я сидела за столом, разложив перед собой три фотографии, распечатку служебного дела и список сотрудников «Северной гавани». На последнем листе чернила расплылись от старого скана, но две буквы всё ещё различались: М. В.

Марк Вейл.

Имя нашлось не сразу. В открытых источниках оно всплы-

вало редко и всегда рядом с одинаково скучными формулировками: владелец частной охранной компании, консультант по вопросам безопасности, благотворитель, инвестор. Ни громких скандалов, ни судебных разбирательств, ни привычных для богатых людей фотографий с бокалом шампанского на фоне чужого яхтенного причала. Его компания, «Вейл Секьюрити», обслуживала коммерческие объекты, несколько частных клиник и закрытые мероприятия. На сайте были строгие фотографии сотрудников в костюмах и обещания обеспечить клиентам безопасность любого уровня.

Человек, который следил за мной, не походил на того, кто продаёт спокойствие по договору.Я открыла снимок с камеры у переулка. Мужчина в чёрном пальто стоял под навесом, лицо скрывала тень, но осанка была слишком узнаваемой: прямая спина, неподвижные плечи, голова чуть наклонена, словно он не наблюдал за происходящим, а оценивал его. Я увеличила изображение, потом ещё раз. Пиксели рассыпались, превращая лицо в серое пятно.

— Вейл, — произнесла я вслух.

Имя не изменило комнату. Не загорелась лампа, не раздался звонок, никто не вошёл с признанием. Я позвонила в отдел регистрации частных охранных организаций. Через двадцать минут у меня были юридический адрес компании, список руководителей и несколько контактов. Через сорок — адрес офиса. Через час я узнала, что Марк Вейл почти не

появляется там лично и предпочитает встречаться с клиентами вне рабочего пространства.

А ещё выяснилось, что по четвергам он бывает в клубе «Камень». Клуб не рекламировал себя, не принимал случайных посетителей и не размещал меню в интернете. В старом здании бывшего банковского хранилища, на узкой улице между набережной и кварталом дорогих ресторанов, существовало место, куда входили по спискам. По документам оно принадлежало компании, связанной с несколькими инвестиционными фондами. Один из фондов пересекался с фирмой, обслуживавшей «Новый берег». Это было не доказательством. Даже не уликой. Просто дверь, за которой мог находиться человек, знавший, кто зачеркнул лица на фотографии.

Я сохранила адрес в телефоне и подняла взгляд на часы.

— Ты собираешься туда одна?

Голос Ильи прозвучал так неожиданно, что я едва не смахнула снимки со стола. Он стоял в проходе, придерживая плечом дверь, и смотрел не на меня, а на экран моего монитора.

— Ты всегда входишь без стука?

— Когда дверь открыта.

— В следующий раз попробуй предупредить. Вдруг я здесь переодеваюсь.

— Тогда я бы извинился и вышел.

— Как благородно.

Он не улыбнулся. Илья выглядел уставшим: под глазами залегли тени, воротник рубашки смялся, на переносице остался след от очков, хотя очков он не носил. В руках он держал бумажный стаканчик и тонкую папку.

— Что нашёл? — спросила я.

— По звонку Мельника. Виртуальный номер был оформлен через сервис, который использует несколько посредников. Запрос уже отправлен, но ответ будет не раньше вечера. И ещё: Лебедев просил передать, чтобы ты не выезжала по делу одна.

— Он мог написать.

— Сказал, что ты не ответишь.

— Удивительно, как много люди знают обо мне, не спрашивая.

Илья поставил папку на край стола. Его взгляд задержался на листе с именем Марка Вейла.

— Кто это?

Вопрос прозвучал просто. Слишком просто для человека, который вчера мгновенно отреагировал на инициалы на фотографии. Я накрыла лист ладонью.

— Пока не знаю.

— Тогда почему ты смотришь на него так, будто уже решила, что он виноват?

— Потому что у меня богатое воображение.

— Вера.

Мы посмотрели друг на друга. Несколько секунд между

нами висело то самое молчание, которое возникает не от отсутствия слов, а от их избытка. Он был моим напарником три года. Я знала, как он хмурится, когда пытается вспомнить мелочь, как постукивает большим пальцем по кружке, если нервничает, как замолкает, когда разговор касается старых дел. Но знание привычек не равно знанию человека. Это я должна была понимать лучше многих.

— Я нашла адрес, где он может появиться, — сказала я наконец. — Поеду поговорить.

— Одна?

— Я ещё не решила.

— Ты уже решила. Иначе не сохранила бы адрес.

Я убрала руку с листа.

— Если хочешь предложить мне сопровождение, не надо. Если хочешь запретить — тем более.

— Я хочу, чтобы ты хотя бы сообщила Лебедеву, куда направляешься.

— Это звучит почти разумно. Запишу в ежедневник.

Илья выдохнул через нос, словно сдержал ответ. Потом подвинул ко мне папку.

— Я не пытаюсь тобой командовать. После того, что произошло у тебя дома…

— Не здесь, — оборвала я.

Он замолчал. В его лице мелькнуло что-то похожее на вину, но я не стала разбираться, была ли она настоящей. Я слишком устала от попыток определить, что люди скрывают

за выражением глаз.

Когда Илья ушёл, я ещё несколько минут сидела неподвижно. Потом закрыла папку, убрала фотографии в конверт и позвонила Лебедеву. Я сообщила, что проверяю одну из возможных связей «Нового берега» с частной охранной компанией. Адрес клуба не назвала. Не из желания нарушить приказ, сказала я себе, а потому что пока не понимала, кому именно могу доверять.

Разница была тонкой. И опасной.

***

К десяти вечера дождь прекратился, оставив город мокрым и блестящим, будто улицы покрыли тонким слоем чёрного стекла. Ветер тянул с реки сыростью и запахом металла. Вода стекала по водосточным трубам, собиралась в выбоинах и отражала вывески, выворачивая их наизнанку.

«Камень» оказался именно таким, каким я его представляла: неприметным снаружи, дорогим внутри и уверенным в собственной исключительности. Над входом не было вывески. Только небольшая латунная пластина возле двери — гладкая, без названия. У входа стоял мужчина в тёмном костюме с гарнитурой за ухом. Он посмотрел на меня так, словно уже знал, что я приду, но всё равно проверил список.

— Ваша фамилия?

— Морозова. Вера Морозова.

Он провёл пальцем по экрану планшета. Ни удивления, ни вопроса. Просто отступил в сторону и открыл дверь. Вот

это мне не понравилось.

Внутри пахло полированным деревом, кожей и дорогим алкоголем. За стеной негромко играл джаз — не настолько громко, чтобы мешать разговору, и не настолько тихо, чтобы можно было разобрать слова за соседним столом. Тёплый свет ложился на тёмные панели, бронзовые светильники и зеркала с потемневшими краями. Посетители говорили негромко. Никто не смеялся в голос. Никто не оглядывался на входящих, по крайней мере открыто.Меня провели через зал к узкой лестнице. На втором этаже было меньше света и больше тишины. Коридор заканчивался дверью без номера.

— Господин Вейл ждёт вас, — сказал сопровождающий.

— Как предусмотрительно с его стороны.

Мужчина не отреагировал. Он открыл дверь, пропуская меня внутрь. Комната была похожа на кабинет, который кто-то решил спрятать от остального мира. Большой стол, низкие кресла, книжные полки, окно на набережную. На подоконнике стоял стакан с водой. На столе лежали закрытый ноутбук и тонкая папка. Никаких фотографий, семейных реликвий или случайных мелочей. Здесь не было ничего, что могло бы рассказать о хозяине без его разрешения.

Марк Вейл стоял у окна спиной ко мне.

На записи он казался выше, чем был на самом деле. Вживую его рост не производил такого впечатления, как неподвижность. Он не суетился, не поправлял манжеты, не поворачивался сразу, чтобы продемонстрировать вежливость.

Просто смотрел на реку, пока дверь за моей спиной не закрылась.

— Вы опоздали на семь минут, — произнёс он.

Голос оказался ниже, чем я ожидала. Ровный, без заметного акцента, с той неприятной уверенностью, которую обычно принимают за спокойствие.

— А вы считали?

Он повернулся.

На фотографии его лицо было почти неразличимо, но память дорисовала то, чего не хватало камере: резкие скулы, тёмные волосы, чуть тронутые сединой у висков, и глаза холодного серого оттенка. Не пустые — хуже. Внимательные. Такие глаза не скользили по человеку, а будто разбирали его на части, отмечая, что можно использовать и что придётся сломать.

Он был одет просто: тёмная рубашка, брюки, часы без блеска и демонстративной роскоши. Ни галстука, ни пиджака. Всё в нём говорило не о желании понравиться, а о том, что ему не приходило в голову стараться.

— Я предпочитаю знать, когда люди приходят, — сказал он.

— Тогда вам стоило открыть обычный офис.

— Там слишком много лишних людей.

— А здесь, значит, только нужные?

— Пока вы здесь, да.

Я не села. Он тоже не предложил. Мы некоторое время

смотрели друг на друга, и я вдруг поняла, что он не собирается заполнять паузу за меня. Ни объяснениями, ни любезностью, ни даже вопросом о том, что привело меня в его кабинет. Он оставлял мне пространство — не из уважения, а чтобы посмотреть, как я им воспользуюсь.

— Марк Вейл, — сказала я. — Владелец «Вейл Секьюрити». Консультант по безопасности. Инвестор. Благотворитель.

— Впечатляющее резюме.

— Вы забыли добавить, что плохо переносите неожиданные визиты.

— Ваш визит не был неожиданным.

— Разумеется. Меня встретили по фамилии, хотя я не записывалась.

Он едва заметно наклонил голову.

— Вы быстро учитесь.

— А вы слишком уверены, что можете меня чему-то научить.

— Я не уверен, что вы способны учиться у других.

— Зато умею задавать вопросы. Например, почему человек, который занимается безопасностью, следит за расследованием двух убийств?

Марк не изменился в лице. Только взгляд на секунду задержался на моей правой руке, где я сжимала телефон.

— Вы пришли поговорить о слежке?

— Я пришла поговорить о вас.

— Это обычно заканчивается разочарованием.

— У меня крепкая психика.

— У вас усталый вид.

Я почувствовала, как внутри что-то дёрнулось. Не потому, что он был прав. Потому что это было слишком близко к правде, а я не давала ему права замечать такие вещи.

— Не пытайтесь анализировать меня, — сказала я.

— Я не пытаюсь. Вы просто плохо скрываете очевидное.

— А вы, похоже, плохо понимаете разницу между наблюдением и вторжением.

— Понимаю лучше, чем вы думаете.

Он наконец указал на кресло. Я села не потому, что он предложил, а потому, что ноги начали напоминать о том, что день был длинным. Марк занял место напротив, оставив между нами стол и достаточное расстояние, чтобы это выглядело случайностью.

— Вы следили за мной, — сказала я. — Возле участка. У дома. Возможно, в ночь, когда убили Белецкого. Я хочу знать зачем.

— Нет.

Я моргнула.

— Что именно — нет?

— Вы хотите знать больше, чем я собираюсь рассказать.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который вы получите на этот вопрос.

Он говорил без угрозы. В этом и заключалась угроза. Марк не повышал голос, не наклонялся ко мне, не изображал опасность. Он просто сообщал правила, как будто они уже существовали и мне оставалось только принять их к сведению. Я достала из сумки фотографию пяти человек и положила на стол. Бумага скользнула по гладкой поверхности, остановившись возле его руки.

— Узнаёте?

Марк не прикоснулся к снимку. Его глаза опустились на изображение, и впервые за весь разговор в его лице произошло изменение. Небольшое, почти неуловимое: челюсть напряглась, а пальцы правой руки замерли на подлокотнике.

Он узнал фотографию.

— Откуда она у вас? — спросил он.

— Значит, узнаёте.

— Я задал вопрос.

— А я не обязана отвечать на него первой.

Марк поднял глаза. Теперь в них не было даже подобия скуки.

— Кто ещё видел этот снимок?

— Люди, которые расследуют два убийства.

— Это не ответ, Вера.

От того, как он произнёс моё имя, у меня по спине прошёл холодок. Не интимность и не знакомство. Скорее ощущение, что он давно привык произносить его мысленно и теперь проверял, как оно звучит вслух.

— Вы знаете моё имя, — сказала я. — Знаете, где я живу. Знаете, чем закончилась моя последняя ошибка. А теперь ещё и узнаёте фотографию из дела. У вас есть два варианта: объяснить, откуда у вас эта информация, или я найду способ получить её официально.

— Официально? — Он чуть усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Вы действительно верите, что бумага делает правду чище?

— Нет. Но она делает ложь удобнее для суда.

— Хороший ответ.

— Я не пришла за вашей оценкой.

— Тогда не смотрите на меня так, будто ждёте её.

Я отвела взгляд первой и тут же разозлилась на себя за это. Он умел заставлять собеседника замечать собственные движения. Не торопил, не давил напрямую — просто ставил слова так, что любой ответ оборачивался признанием. Я перевернула фотографию. На обороте всё ещё виднелась надпись: «Посмотрите на того, кто остался в тени». Инициалы в углу казались почти стёртыми.

— М. В., — сказала я. — Ваши инициалы?

— Возможно.

— Удобное слово.

— Оно точнее, чем «да» или «нет», когда человек не знает, кто именно написал эти буквы.

— Но вы знаете, кто на снимке.

Марк снова посмотрел на фотографию. На этот раз доль-

ше.

— Часть людей я знал.

— Каких?

— Тех, кто уже не сможет ответить на ваши вопросы.

— Белецкий и Мельник?

Он не ответил. Я ощутила, как под рёбрами нарастает напряжение. Если он знал обоих, то был связан с центром не через благотворительность и не через охранные договоры. Но насколько глубоко? И почему его имя не всплыло в материалах двенадцатилетней давности?

— Вы работали в «Северной гавани»? — спросила я.

— Нет.

— Бывали там?

— Да.

Ответ прозвучал так быстро, что я не сразу поверила, что услышала его правильно.

— Когда?

— Давно.

— До пожара?

— Вы задаёте вопросы, на которые уже знаете ответ.

— Я проверяю, насколько вы готовы лгать.

— И как успехи?

— Пока вы экономите моё время.

Марк откинулся в кресле. Он не выглядел раздражённым, но в его неподвижности появилось что-то острое. Словно до этого он позволял разговору идти, а теперь решил напом-

нить, кто здесь контролирует темп.

— Артур Белецкий не был хорошим человеком, — сказал он. — Григорий Мельник тоже. Но это не делает вас ближе к убийце.

— Вы говорите так, будто знаете, кто их убил.

— Я говорю так, будто понимаю, как люди выбирают удобную версию.

— А какая версия удобна вам?

— Та, в которой вы перестаёте ходить по следам, которые оставлены специально для вас.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Кто их оставил?

— Вы сами это выясните.

— Вы позвали меня сюда, чтобы сообщить, что я должна продолжать расследование, но не должна идти по его следам?

— Я вас не звал. Вы пришли сами.

— И вы могли не впускать меня.

— Мог.

Он произнёс это без малейшего желания оправдаться. Я вдруг ясно увидела, что для него возможность отказать человеку была почти такой же важной, как возможность приказать. Он не пытался нравиться. Не стремился убедить меня в своей правоте. Ему было достаточно знать, что решение остаётся за ним — по крайней мере, он хотел, чтобы я так думала.

— Почему вы следили за мной? — повторила я.

На этот раз Марк ответил не сразу. За окном медленно проплыла баржа, её огни разрезали тёмную воду длинными полосами. Внизу кто-то засмеялся; звук почти мгновенно утонул в музыке.

— Потому что вы подошли слишком близко к делу, которое не понимаете.

— Вы следите за всеми, кто не понимает ваших дел?

— Только за теми, кто может всё испортить.

— Я следователь. Портить чужие планы входит в должностные обязанности.

— А ещё вы однажды подписали заключение, которое позволило виновному уйти.

В груди будто захлопнулась дверь. Я не пошевелилась. Не спросила, откуда он знает. Не дала ему удовольствия увидеть, как удар достиг цели. Но внутри всё мгновенно вернулось на три года назад: папка с выцветшими фотографиями, голос свидетеля по телефону, подпись внизу документа, которую я поставила после трёх бессонных ночей и чужого заверения, что доказательства проверены. Потом — тело. Кровь на светлом асфальте. Мать, которая не плакала на допросе, потому что уже не могла.

— Не произносите ни слова об этом деле, — сказала я тихо.

— Почему? Потому что я неправ?

— Потому что вы не имеете права использовать чужую

смерть как рычаг.

— А вы имеете право притворяться, что она не имеет отношения к вам?

Я встала так резко, что ножки кресла скрипнули по полу.

— Ещё одно слово — и я забуду, что пришла сюда за ответами.

Марк тоже поднялся. Он был выше меня, но не настолько, чтобы я почувствовала себя маленькой. Опасность исходила не от его роста. Она была в том, как он смотрел: спокойно, прямо, без попытки смягчить удар, который сам же нанёс.

— Вы не забываете, Вера. В этом ваша проблема.

Я хотела ударить его. Не потому, что он испугал меня, а потому, что он нашёл единственное место, куда можно было ударить без промаха. Руки остались на месте. Я заставила себя вдохнуть, потом ещё раз.

— Кто рассказал вам о моём деле?

— Люди, которым вы доверяете.

— Илья?

Впервые Марк не ответил сразу. Пауза была короткой, но я успела заметить, как он оценил мой вопрос — не его содержание, а то, что я назвала имя сама.

— Я не говорил этого.

— Но и не опровергли.

— Вы хотите, чтобы я дал вам имя, которое вы сможете ненавидеть вместо того, чтобы продолжать искать факты.

— Не решайте за меня, кого мне ненавидеть.

— Тогда не просите меня выбирать за вас.

Мы замолчали. На этот раз тишина не принадлежала ему одному. Я вернулась к креслу, забрала фотографию и убрала её в сумку. Пальцы уже не дрожали. Злость оказалась полезнее страха: она выстроила внутри прямую линию, по которой можно было идти, не оглядываясь на то, что осталось позади.

— Я могу арестовать вас за воспрепятствование расследованию, — сказала я.

— За что именно? За то, что я отказался отвечать на ваши вопросы?

— Я найду основание.

— Уверен.

— Не сомневайтесь.

— Я и не сомневаюсь в вашей настойчивости. В вашей объективности — иногда.

Я направилась к двери.

— Вы забыли кое-что, Вера.

Я остановилась, но не обернулась.

— Что?

— Вы пришли сюда не только ради меня. Вы хотите знать, кто на фотографии остался в тени. И вы уже понимаете, что этот человек не обязательно тот, чьё лицо скрыто.

Я медленно повернулась.

Марк стоял у стола и держал в руке тонкую папку. Он открыл её, вынул один лист и положил на стол. Я не подошла

сразу. Не хотела показывать, что он сумел меня заинтересовать. Потом всё-таки приблизилась. На листе была копия старого списка сотрудников «Северной гавани». Большинство фамилий я уже видела. Несколько строк были помечены карандашом. Внизу, под списком, стояла подпись, которую я не могла прочитать с первого взгляда.

— Это не из материалов дела, — сказала я.

— Нет.

— Откуда у вас копия?

— Вы снова задаёте вопросы, на которые я не собираюсь отвечать.

Я посмотрела на отмеченные фамилии. Среди них был Даниэль Кросс — ночной санитар, исчезнувший после пожара. Рядом стояла дата увольнения, на три недели раньше официального закрытия центра. В графе причины значилось: «По собственному желанию». Подпись отсутствовала. Но Марк указал не на Кросса. Его палец лежал на другой строке.

Элиас Роуэн.

Имя, которого не было ни в списке, найденном у Мельника, ни в газетных материалах, ни в отчёте о пожаре. В графе должности значилось: «Внешний консультант». В графе доступа — «полный».

— Кто это? — спросила я.

— Человек, который не должен был находиться в центре в ночь пожара.

— Он погиб?

— В официальном отчёте его нет.

— Это я и сама вижу.

— Тогда задайте себе правильный вопрос.

Я подняла глаза.

— Какой?

— Почему его имя вычеркнули из истории, если он был всего лишь консультантом?

Марк забрал лист раньше, чем я успела его сфотографировать, и убрал обратно в папку.

— Вы не можете просто показать мне документ и забрать его.

— Могу. Я только что это сделал.

— Вы невыносимы.

— Мне говорили.

— Уверена, не раз.

— Обычно люди не приходят повторно, чтобы сообщить об этом.

— Я не собираюсь приходить повторно.

Он посмотрел на меня так, словно не поверил ни одному слову.

— Конечно.

Я направилась к двери. На этот раз он меня не остановил. Уже на пороге я услышала:

— Вера.

Имя снова прозвучало так, будто он пробовал его на вкус

и запоминал не только звук, но и мою реакцию.

— Что ещё?

— Если получите сообщение с фотографией, которой не должно существовать, не открывайте вложение на служебном телефоне.

Я медленно обернулась.

— Вы знаете об этих сообщениях?

— Я знаю, что кто-то хочет, чтобы вы их получали.

— Кто?

— Это уже правильный вопрос.

— Вы собираетесь ответить?

— Нет.

Я смотрела на него несколько секунд. Он не улыбался. Не наслаждался собственной загадочностью — по крайней мере, не показывал этого. Его лицо оставалось закрытым, а в глазах было что-то такое, что не укладывалось в простую схему «виновен — невиновен». Он не казался человеком, который хочет остановить меня. Скорее тем, кто готов позволить мне идти, пока я не пересеку невидимую черту.

— Вы следили за мной, — сказала я. — Вы знаете о моём прошлом. Вы скрываете информацию об убийствах. И теперь предупреждаете меня, как будто мы на одной стороне.

— Я не говорил, что мы на одной стороне.

— Тогда на чьей вы?

Марк чуть наклонил голову.

— На своей.

Я вышла, не попрощавшись.

***

На улице воздух показался холоднее, чем был на самом деле. Я остановилась под козырьком соседнего здания и достала телефон. На экране не было новых сообщений. Я проверила время, затем посмотрела на окна клуба. За тёмным стеклом второго этажа угадывался силуэт Марка, но я не была уверена, что он всё ещё стоял там.

Мне хотелось вернуться и потребовать ответы. Хотелось бросить ему в лицо, что знание чужих слабостей не делает человека умным, а умение скрывать правду не делает его сильным. Хотелось найти его компанию, вскрыть все договоры и поставить рядом с его именем красную отметку.

Вместо этого я открыла заметки и записала:

1. Марк Вейл знал Белецкого и Мельника.

2. Был в «Северной гавани» до пожара.

3. Знает о моём старом деле — источник может быть внутри отдела.

4. Упомянул сообщения и фотографию, не объяснив, откуда знает.

5. Элиас Роуэн — внешний консультант, отсутствует в официальных материалах.

Я добавила шестой пункт, но долго смотрела на него, прежде чем сохранить.

6. Вейл не пытался убедить меня в своей невиновности.

Это могло означать что угодно. Виновный человек мог быть уверен, что доказательств недостаточно. Невиновный — понимать, что объяснения не помогут. А тот, кто привык контролировать чужие решения, мог просто не считать меня человеком, перед которым нужно оправдываться.

Я убрала телефон и пошла к машине. До парковки оставалось несколько метров, когда я заметила отражение в витрине напротив. Тёмный автомобиль стоял у бордюра через дорогу. Не тот, который я видела возле дома, или, по крайней мере, другой номер. За лобовым стеклом угадывалась фигура. Я не повернула головы. Достала ключи, открыла машину и села. Только после того, как заблокировала двери, посмотрела в зеркало заднего вида.

Автомобиль тронулся одновременно со мной. Я не стала ускоряться. Проехала квартал, свернула к набережной, затем ещё раз — в узкую улицу, где ремонтировали фасады и половина проезжей части была перекрыта строительными ограждениями. Машина позади повторила поворот. Я запомнила номер, насколько позволял свет, и свернула во двор с односторонним выездом. Через минуту выехала с другой стороны.

Автомобиль исчез. Я остановилась у круглосуточной аптеки и несколько минут сидела, сжав руль. Сердце билось

ровно, но в ладонях оставался неприятный холод. Я не знала, кто ехал за мной — человек Марка, тот, кто присылал сообщения, или кто-то третий. И именно это бесило сильнее всего.

Телефон завибрировал. Неизвестный номер. На этот раз я не открыла вложение. Сначала выключила мобильные данные, сделала снимок экрана с уведомлением и только потом прочитала текст:

«Теперь вы знаете, как его зовут. Не делайте вид, что это делает вас ближе к правде».

Под сообщением была фотография. Я не нажала на неё. Вместо этого переслала скриншот на отдельный защищённый адрес, который использовала для рабочих материалов, и сохранила номер.

Через секунду пришло ещё одно сообщение.

«Спросите Марка Вейла, кто стоял рядом с ним в ночь пожара».

Я смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться от напряжения в глазах. Марк не дал мне имени третьего человека с фотографии. Он дал мне имя того, кого вычеркнули из официальной истории. Но, возможно, это был один и тот же человек. Или оба они были частью куда более сложной конструкции, где каждый знал ровно столько, сколько могло навредить остальным.

Я снова открыла заметки и добавила новую строку:

7. Кто стоял рядом с Марком Вейлом в ночь пожара?

На этот раз ответ не казался далёким. Он находился где-то между архивом, двумя телами и мужчиной, который смотрел на меня так, будто уже знал, какой выбор я сделаю.

Я завела двигатель. Мне не нравился Марк Вейл. Не нравилось его спокойствие, его способность превращать каждую фразу в закрытую дверь, его привычка говорить так, словно он заранее оценил все возможные последствия и оставил себе право выбрать любое из них. Я не доверяла ему и не собиралась доверять. Но впервые за последние дни у меня появилось ощущение, что я наконец нашла не просто след, а человека, который способен привести меня к ответу.

Проблема заключалась в том, что он не собирался вести меня за руку. А я не собиралась просить.

Глава 5. Сделка

Я не поехала домой. После разговора с Марком Вейлом возвращаться в пустую квартиру казалось почти бессмысленным. Там меня ждали смещённый ковёр, чужой стаканчик из-под кофе и слишком много вопросов, на которые никто не собирался отвечать. А ещё — неприятное ощущение, что мои стены больше не принадлежали мне. Город за окном автомобиля расплывался в мокрых огнях. Дождь не прекращался с самого утра, превращая улицы в длинные зеркала,

в которых отражались вывески круглосуточных аптек, красные сигналы светофоров и окна домов, где люди занимались своими обычными делами. Кто-то ужинал, кто-то ругался с партнёром, кто-то собирался спать, совершенно не подозревая, что в нескольких кварталах от них два трупа уже начали складываться в историю, которую кто-то очень хотел рассказать. Только вот рассказчиком был не я.

Я свернула к старой набережной и припарковалась возле небольшого кафе, работавшего круглосуточно. Заведение пряталось между закрытой лавкой антиквариата и магазином рыболовных принадлежностей. Над входом мигала синяя лампа, а на запотевшем стекле белела надпись: «Кофе. Завтраки. Всегда открыты». Я не была уверена, что мне нужен кофе. Скорее, мне требовалось место, где можно посидеть среди незнакомых людей и хотя бы на час перестать оглядываться на собственное отражение в окнах. Внутри пахло пережаренным маслом, корицей и влажной одеждой. Несколько дальнобойщиков молча смотрели телевизор над стойкой, пожилая женщина в углу медленно размешивала чай, а за кассой парень с татуировкой на шее боролся со сном. Никто не обратил на меня внимания. Это было приятно.

Я заняла столик у окна, сняла пальто и положила телефон экраном вверх. На чёрном стекле отразилось моё лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами и напряжённой складкой между бровями. Я выглядела так, будто последние несколько дней не расследовала убийства, а сама пыталась скрыться от закона. Впрочем, разница становилась всё менее очевидной. Официантка принесла меню. Я заказала чёрный кофе и яичницу, хотя аппетита не было. Когда она ушла, достала блокнот.

Артур Белецкий. Григорий Мельник. Аркадий Левин. Марк Вейл.

Четыре имени, связанные с благотворительным фондом, сгоревшим реабилитационным центром и фотографией, на которой трое людей были перечёркнуты так старательно, словно кто-то хотел стереть не их лица, а сам факт существования.

Я добавила ещё одно имя. - Элиас Роуэн.

Оно всплыло в разговоре с Марком — коротко, почти

между прочим, но я успела заметить, как изменилось его выражение. Он не испугался. Марк вообще не производил впечатления человека, который часто испытывает страх. Однако на долю секунды его лицо стало неподвижным, словно он услышал нечто неприятное, но давно ожидаемое. Роуэн мог быть кем угодно: сотрудником центра, человеком из службы безопасности, свидетелем пожара или тем, кого намеренно вычеркнули из истории. Пока у меня не было даже уверенности, что он действительно существовал под этим именем. Но я усвоила одну вещь: если Марк не хотел отвечать на вопрос, это не означало, что вопрос был неправильным.

Я набрала номер капитана Лебедева. Он ответил после второго гудка.

— Морозова? Надеюсь, ты звонишь не для того, чтобы сообщить, что снова решила поработать без сна.

— Я звоню сообщить, что встретилась с Марком Вейлом.

На другом конце провода повисла пауза.

— Где?

— В клубе «Камень».

— Ты пошла на встречу с человеком, которого мы рассматриваем как возможного участника двух убийств, и не предупредила меня?

— Я не договаривалась с ним о встрече. Он сам оказался там.

— Вера.

Одного моего имени хватило, чтобы я представила выражение лица Лебедева. Он редко повышал голос. Ему не требовалось. В его исполнении спокойствие звучало убедительнее любого крика.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — ответила я. — Что я должна была

вызвать группу, сообщить тебе и не приближаться к нему без сопровождения.

— Нет. Я хотел сказать, что ты должна была хотя бы со-

общить мне, где находишься. Но теперь, раз уж ты уже всё сделала по-своему, рассказывай.

Я обхватила чашку ладонями. Кофе оказался обжигающим, и это было кстати: боль помогала сосредоточиться.

— Вейл подтвердил, что бывал в «Северной гавани» до пожара. Он знал Белецкого и Мельника. И он знает о моём старом деле.

— Откуда?

— Не сказал.

— А ты, разумеется, не стала настаивать.

— Я настаивала. Он просто не ответил.

— И ты считаешь это приемлемым?

— Я считаю, что он намеренно оставляет мне ровно столько информации, чтобы я продолжала задавать вопросы.

— Тогда не помогай ему управлять разговором.

Я посмотрела на дождевые струи, ползущие по стеклу. За окном мужчина в длинном плаще пытался прикурить сигарету, прикрывая огонёк ладонями. Ветер каждый раз гасил пламя.

— Он не только знает о старом деле, — сказала я. — Он понимает, что кто-то добрался до моей квартиры. Возможно, знает, что именно искали.

— Он сказал это прямо?

— Нет. Но он не удивился, когда я заговорила о наблюдении.

Лебедев тяжело выдохнул.

— Слушай меня внимательно. У нас утечка информации. Кто-то знает о материалах дела, о твоём прошлом и о твоих перемещениях. Это может быть человек из отдела, прокуратуры или кто-то, кто имеет доступ к архивам. До тех пор, пока мы не установим источник, ты не встречаешься с Вейлом одна.

— А если он знает то, чего не знаем мы?

— Тогда он может передать это официально.

Я невольно усмехнулась.

— Вы оба понимаете, что он этого не сделает.

— Это не моя проблема, Вера. Моя проблема — чтобы ты не стала третьим телом в этом расследовании.

Улыбка исчезла. Я знала, что он не пытается меня запугать. Именно поэтому слова задели сильнее.

— Я осторожна.

— Нет. Ты упряма. Это не одно и то же.

— Иногда помогает.

— А иногда заставляет тебя считать личную ответственность за старую ошибку достаточным основанием для новых.

Я замолчала. Лебедев знал о том деле. Не все детали, но достаточно, чтобы понимать, куда именно он целится.

— Я позвоню, когда узнаю что-нибудь ещё, — сказала я.

— Позвони до того, как решишь проверить очередную тёмную комнату самостоятельно.

Он отключился первым. Я положила телефон на стол и некоторое время смотрела на него, словно аппарат мог сам объяснить, почему любой разговор в последнее время заканчивался предупреждением. Затем открыла блокнот и написала под именем Роуэна: Проверить архив. Приложения к делу о пожаре. Если в официальных материалах оставалось что-то, чего я не видела, начинать следовало с них. Не с Марка. Не с анонимных сообщений. Не с человека, который мог появиться в любом месте города и заставить меня чувствовать, будто я опоздала на встречу, о которой даже не знала.

Я допила кофе, оставила деньги на столе и вышла под дождь. На этот раз я не стала оглядываться. Не потому, что перестала чувствовать чужое присутствие. Просто не хотела, чтобы тот, кто мог следить за мной, получил удовольствие от моей реакции.

Архив уголовных дел располагался в подвальном помещении старого административного корпуса, который давно нуждался в ремонте. В коридорах пахло сыростью, пылью и старой бумагой. Лампочки под потолком горели через одну, а вентиляция издавала звук, напоминающий недовольное ворчание пожилого человека. Я спустилась по лестнице, предъявила удостоверение дежурному и расписалась в журнале посещений.

— Опять старые дела? — спросил он, возвращая мне документы.

— Они сами меня не отпускают.

— Тогда желаю удачи. У нас тут многие такие.

Он усмехнулся, но я не ответила.

За металлической дверью находился длинный зал со стеллажами, шкафами и несколькими рабочими столами. На одном из них стоял старый компьютер, рядом высилась стопка папок, перевязанная бечёвкой. В дальнем углу горел настольный светильник. За ним сидел Крылов — архивариус, который, кажется, работал здесь ещё до того, как я поступила в академию. Худощавый, сутулый, с серебристыми волосами и внимательными глазами человека, привыкшего замечать чужие ошибки, но не торопиться указывать на собственные.

— Морозова, — произнёс он, не поднимая головы от бумаг. — Чем обязаны?

— Дело о пожаре в «Северной гавани». Двенадцатилетней давности.

Ручка в его пальцах остановилась. Это было почти незаметное движение, но я увидела его.

— Сложное дело.

— Я слышала, что его закрыли через четыре месяца.

— Значит, читали сводку.

— Пока только сводку.

Крылов наконец посмотрел на меня. Его взгляд задержался на удостоверении, затем переместился к моему лицу.

— Вам нужен оригинал?

— Все материалы, включая приложения, описи и запросы на выдачу документов.

Он медленно снял очки и протёр их краем рубашки.

— Молодые следователи обычно начинают с того, что требуют всё сразу. Потом обнаруживают, что половина бумаг утрачена, четверть не относится к делу, а оставшаяся часть написана людьми, которые давно забыли, что именно собирались доказать.

— Я готова к разочарованию.

— Нет, — спокойно возразил он. — Вы пока не знаете, к чему готовитесь.

Мне не понравилось, как он это сказал. Не потому, что в его словах было что-то угрожающее. Скорее, он выглядел человеком, который уже однажды пытался объяснить кому-то ту же самую вещь и не сумел убедить. Крылов поднялся, достал с полки толстую папку и положил её передо мной. На обложке стоял выцветший штамп. Под ним сохранились номер дела, дата регистрации и короткая запись: «Пожар в лечебно-реабилитационном центре „Северная гавань“».

Я открыла папку. Первые страницы оказались именно такими, какими и должны были быть материалы давно закрытого дела: протоколы осмотра, фотографии обгоревших помещений, показания сотрудников, заключения экспертов. Текст был сухим, почти безликим. Люди погибали, здания рушились, чужие жизни заканчивались, а официальные документы превращали всё это в последовательность дат и формулировок. Я перелистывала страницы, сверяя номера с описью. Официальная версия пожара выглядела простой. Нарушение правил эксплуатации оборудования, неисправность электропроводки, позднее обнаружение возгорания.

Два погибших, шестеро пострадавших. Причин для дальнейшего расследования не обнаружено. Слишком просто. В подобных делах простота иногда свидетельствует о ясности картины. Но чаще она означает, что кто-то очень старался не оставлять на ней лишних деталей.

— Кто занимался расследованием? — спросила я.

— Следственная группа областного управления. Тогдашний руководитель — Климов. Он давно на пенсии.

— А прокуратура?

Крылов указал на несколько подписей в конце документов.

— Согласования, проверки, стандартные процедуры. Всё как положено.

— А нестандартные процедуры?

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Вот это уже интереснее.

Я положила перед ним опись.

— В материалах указано приложение Б. «Внешние лица, доступ в ночное время». Самого приложения нет.

Крылов не стал сразу отвечать. Он вернулся к столу, открыл журнал учёта и начал листать страницы. Бумага шуршала под его пальцами.

— Вы знаете, что любопытство — не самая полезная черта для человека на вашей должности?

— Мне говорили.

— И вы не прислушались?

— Не особенно.

Он тихо хмыкнул.

— Приложение действительно было. По крайней мере, согласно первоначальной описи. Но в папке его нет уже много лет.

— Его потеряли?

— Бумаги не теряются сами по себе, — произнёс Крылов. — Их перемещают, списывают, уничтожают, иногда кладут не в тот шкаф. У каждого исчезновения есть объяснение. Вопрос только в том, насколько оно правдоподобно. Он повернул ко мне журнал. Я наклонилась над страницами. В записях о выдаче материалов обнаружились два запроса на получение дела. Первый был оформлен спустя несколько недель после закрытия расследования. Второй — почти через год. Оба запроса касались полного комплекта документов. Напротив второго стояла отметка об отзыве.

— Кто отозвал запрос? — спросила я.

Крылов назвал фамилию бывшего заместителя прокуро-

ра. Я записала её на полях блокнота.

— Почему?

— В журнале причина не указана.

— А вы помните?

— Я помню, что в тот период к нам приходили люди, которые обычно не спускались в архив самостоятельно. Просили подготовить документы заранее. Иногда забирали копии, иногда только просматривали материалы здесь. Но конкретно этот случай… — Он помолчал. — Я не хочу вводить вас в заблуждение. Прошло слишком много времени.

— Вы кого-то боитесь?

Крылов медленно закрыл журнал.

— Я боюсь не людей, детектив. Я боюсь уверенности. Люди, которые убеждены, что знают правду, обычно перестают её искать.

Он произнёс это без пафоса. Так, словно делился профессиональным правилом, которое однажды обошлось ему слишком дорого.

Я убрала блокнот.

— Если я найду другие материалы, смогу вернуться?

— Архив никуда не денется.

Он посмотрел на папку, которую я всё ещё держала открытой.

— Но советую вам проверить, кто ещё интересовался этим делом. И не ограничиваться теми, чьи фамилии стоят на обложке. - Я замерла.

— Почему вы решили, что кто-то ещё им интересовался?

Крылов поправил очки.

— Потому что вы не первая, кто пришёл сюда с этим вопросом. Просто раньше люди спрашивали о пожаре. А вы ищете то, чего в деле нет.

Я вышла из архива с копиями нескольких страниц, списком сотрудников центра и фамилией бывшего заместителя прокурора. За дверью коридор показался ещё темнее, чем прежде. Мне хотелось немедленно позвонить Лебедеву, но я сдержалась. Сначала следовало разобраться в найденном, а потом уже делиться выводами. Не потому, что я подозревала капитана. Просто в какой-то момент расследование превратилось в комнату с зеркальными стенами, где любое движение отражалось в десятках направлений, и я больше не понимала, кто именно наблюдает за происходящим.

Когда я поднялась на первый этаж, телефон завибрировал. Сообщение с неизвестного номера.

«Вы нашли не всё.»

Я остановилась посреди коридора. Второе сообщение пришло почти сразу.

«Но теперь хотя бы знаете, что искать.»

Я перечитала оба текста. Затем проверила время отправки. Сообщения поступили в ту же минуту, когда я вышла из архива. Это могло быть совпадением. Могло означать, что кто-то следил за мной. Или что кто-то имел доступ к журналу посещений. Я сделала снимок экрана и отправила его Лебедеву, добавив короткое: «Получено сразу после посещения архива. Проверить доступ к материалам и запросам».

Ответ пришёл через минуту.

«Возвращайся в отдел. Обсудим лично».

Я убрала телефон. На этот раз я послушалась. Капитан ждал меня в кабинете с двумя чашками кофе и выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего.

— Садись.

Я положила папку на стол.

— Я нашла отсутствующее приложение и два запроса на получение полного дела. Второй отозвали по распоряжению бывшего заместителя прокурора. Причина не указана.

Лебедев просмотрел записи, затем откинулся на спинку кресла.

— Фамилия мне знакома.

— Он ещё жив?

— Насколько я знаю, да. Давно не работает. Живёт за городом, почти не появляется на публике.

— Значит, у нас есть направление.

— У нас есть человек, которого нельзя допрашивать без подготовки. Если он действительно отозвал запрос, нужно выяснить, почему. Но прежде я хочу понять, кто отправляет тебе сообщения.

Он протянул руку за телефоном, и я показала ему переписку.

— Номер виртуальный? — спросил он.

— Пока не проверяла.

— Проверим. И ещё. Я поднял сведения о компании Вейла.

— Уже?

— Ты же не думала, что я собираюсь ждать, пока ты сама принесёшь мне его биографию?

Он открыл папку, лежавшую рядом с клавиатурой. Марк Вейл владел компанией, специализировавшейся на частной охране, сопровождении грузов и оценке рисков. На бумаге — вполне легальный бизнес с хорошими оборотами, крупными клиентами и безупречными налоговыми отчётами. Слишком безупречными. Я пролистала несколько страниц.

— Он работает с медицинскими учреждениями.

— С несколькими частными клиниками. Есть контракты на охрану объектов, сопровождение персонала, аудит безопасности. Ничего незаконного.

— А «Новый берег»?

Лебедев постучал пальцем по документу.

— Был договор на обеспечение безопасности мероприятий фонда. Несколько лет назад. Потом сотрудничество прекратилось.

— По какой причине?

— Официально — изменение условий контракта.

— И всё?

— Вера, если бы в документах было написано, что Вейл состоит в тайном обществе убийц, я бы уже отправил тебе копию.

Я подняла глаза.

— Вы уверены, что хотите шутить именно сейчас?

— Нет. Я просто пытаюсь не дать тебе превратить каждую подозрительную деталь в доказательство заговора.

Он забрал папку и положил её перед собой.

— Компания Вейла связана с фондом. Сам Вейл бывал в центре. Он знал двух погибших. Он появился в твоём расследовании раньше, чем ты узнала его имя, а потом оказался в месте, где мог встретить тебя лично. Это достаточно, чтобы держать его в поле зрения. Но недостаточно, чтобы обвинить.

— Он знает о моём старом деле.

— Вот это меня беспокоит больше всего. - Лебедев помолчал.— В материалах того дела не было ничего, что должно было заинтересовать Вейла. По крайней мере, насколько я помню. Если он знает подробности, которые не публико-

вались, значит, либо кто-то передал ему информацию, либо он имеет отношение к людям, которые её скрыли.

— Или он сам участвовал в том, что произошло.

— Возможно.

Я посмотрела на папку. На фотографии из старого дела, которые я хранила в памяти гораздо дольше, чем следовало. Три года назад я тоже была уверена, что понимаю происходящее. У меня были показания, последовательность событий, признание, которое казалось убедительным, и доказательства, складывавшиеся в красивую, почти безупречную картину.

Я подписала заключение. Через несколько месяцев человека, чьи слова я не сумела защитить, нашли мёртвым. Потом выяснилось, что часть материалов была подделана. Я могла сколько угодно повторять, что меня обманули. Могла ссылаться на чужую ответственность, на отсутствие доступа к определённым сведениям, на то, что система не позволила мне увидеть подмену вовремя. Но подпись на документе была моей.Именно это не давало мне покоя.

— Я хочу получить доступ к полному архиву по тому делу, — сказала я.

Лебедев нахмурился.

— Ты уже проверяла его.

— Не так, как нужно.

— Вера…

— Если Вейл знает о нём, а кто-то напоминает мне о моей ошибке, это больше не личная история. Это возможная связь между расследованиями.

Он долго смотрел на меня.

— Хорошо. Я оформлю запрос. Но ты не будешь работать над ним в одиночку.

— Я поняла.

— Нет, не поняла. Ты соглашаешься со мной только тогда, когда тебе удобно.

Я промолчала. Он был прав, и именно поэтому мне хотелось возразить.

— Ещё одно, — добавил капитан. — Не пытайся выяснить, кто стоит за сообщениями, провоцируя Вейла. Он не твой информатор и не твой союзник.

— А если он захочет им стать?

— Тогда пусть докажет, что способен говорить правду.

Я встала, забрала папку и направилась к двери.

— Вера.

Я обернулась.

— Если он снова предложит встречу, сообщи мне заранее.

— Хорошо.

— И не путай интерес к человеку с пониманием его мотивов.

Я не ответила. Потому что, если честно, пока не была уверена, что вообще способна отличить одно от другого. В отделе постепенно стихали голоса. Сотрудники расходились, оставляя после себя кружки, открытые папки и мерцающие мониторы. За окнами темнело, и дождь наконец начал ослабевать, превращаясь в редкие капли, стучавшие по подоконнику.

Я сидела за своим столом, сравнивая список сотрудников «Северной гавани» с данными из старых публикаций. Несколько фамилий повторялись в материалах благотворительного фонда. Другие исчезали после пожара. Некоторые люди продолжили работать в медицине, сменив учреждения и города, будто двенадцать лет назад ничего не произошло. Элиас Роуэн в официальном списке сотрудников отсутствовал. Но в одной из газетных заметок, опубликованных за месяц до пожара, упоминалась дополнительная служба безопасности. Без названий организаций и имён сотрудников. В статье говорилось, что администрация центра заключила договор с частной компанией после нескольких инцидентов с пациентами.

Компания тогда называлась иначе. Я ввела название в поисковую систему, но получила лишь несколько устаревших упоминаний. Юридическое лицо было ликвидировано через год после пожара. Адрес регистрации совпадал с небольшим офисным зданием на окраине города, которое теперь занимала стоматологическая клиника.

Я сохранила страницу. Возможно, Роуэн был связан с той компанией. Возможно, его имя находилось в отсутствующем приложении. Возможно, он был одним из тех, кто имел доступ в центр ночью. А возможно, кто-то просто хотел, чтобы я тратила время на мёртвые организации и людей, которых уже невозможно найти. Я потёрла глаза и откинулась на спинку кресла. На экране телефона появилось уведомление. Неизвестный номер.

«У вас есть то, что нужно ему.»

Следующее сообщение пришло спустя несколько секунд.

«У него есть то, что нужно вам.»

Я не стала отвечать. Третье сообщение появилось почти сразу.

«Вы оба слишком горды, чтобы назвать это сделкой.»

Я почувствовала, как по спине медленно прошёл холодок. Автор знал о разговоре с Марком. Или догадывался о нём. Или заранее подготовил эти слова, рассчитывая, что мы рано или поздно пересечёмся. Я сделала скриншот, отправила его Лебедеву и положила телефон рядом с клавиатурой. Потом открыла чистую страницу блокнота. Что есть у меня? Материалы двух убийств. Фотография пяти человек. Список сотрудников центра. Доказательства того, что часть документов исчезла. Старое дело, в котором могли быть подменены материалы. И имя человека, которого нет ни в одном официальном списке.

Что есть у Марка?

Информация о центре. Связи с фондом. Знание обстоятельств пожара. Возможный доступ к людям, которые не же-

лают разговаривать с полицией. И, вероятно, документы, которых нет в архиве. Я обвела имя Вейла. Если сообщения не были попыткой манипуляции, а я не видела причин считать иначе, незнакомец предлагал мне то, о чём я и без него уже думала.

Работать с Марком. Не доверять ему. Не оправдывать его. Не позволять ему вести расследование вместо меня. Использовать его знания, пока я не выясню, почему он так настойчиво держится рядом. Телефон завибрировал снова. На этот раз звонил сам Марк.

Я смотрела на экран, пока не закончился первый гудок. Потом второй. На третьем я ответила.

— Вера.

Он произнёс моё имя так, словно продолжал разговор, прерванный несколько минут назад.

— Вейл.

— Ты занята?

— Зависит от того, что ты собираешься предложить.

— Встречу.

— Как неожиданно.

— Ты предпочитаешь переписываться?

— Я предпочитаю знать, кто и зачем пытается распоряжаться моим временем.

На другом конце провода раздался тихий смешок.

— Тогда тебе следовало выбрать профессию, в которой люди не лгут.

— Я выбрала ту, в которой ложь хотя бы иногда имеет последствия.

— И как, довольна результатом?

Вопрос прозвучал слишком спокойно. Я невольно сжала телефон.

— Что тебе нужно, Марк?

Он выдержал короткую паузу.

— Поговорить о Роуэне.

Я выпрямилась.

— Ты нашёл его?

— Нет.

— Тогда о чём мы будем говорить?

— О том, где искать.

Я посмотрела на блокнот. На имя, обведённое несколькими линиями. На сообщения, которые продолжали поступать с неизвестного номера.

— Когда?

— Завтра.

— Время и место выбираю я.

— Разумеется.

— И никаких внезапных появлений в клубах, ресторанах и других местах, где я не ожидаю тебя увидеть.

— Постараюсь не испортить тебе вечер.

— Ты уже справился.

На этот раз он не засмеялся.

— Хорошо. Где?

Я задумалась. Мне нужен был общественный зал, достаточно шумный, чтобы разговор не привлёк внимания, но не настолько многолюдный, чтобы мы не могли говорить свободно. Место, которое я знала, где было несколько выходов и где мне не пришлось бы полагаться на его выбор.

— Кафе «Старый причал». Завтра, в двенадцать.

— Буду.

— Ещё одно условие.

— Слушаю.

— Если ты солжёшь мне, я прекращу разговор.

— Ты следователь, Вера. Ты должна понимать, что люди не всегда обязаны отвечать на твои вопросы.

— Не обязаны. Но и я не обязана продолжать с ними разговор.

— Справедливо.

— И никаких людей, которые будут сидеть за соседними столиками, изображая случайных посетителей.

— Ты считаешь, что я способен на такое?

— Я считаю, что ты способен на многое.

На этот раз пауза затянулась.

— Тогда завтра проверим, насколько хорошо ты меня знаешь.

Он отключился. Я ещё несколько секунд держала телефон у уха, слушая тишину. Потом открыла календарь, внесла встречу и написала Лебедеву, где буду находиться. Он ответил почти мгновенно:

«Не одобряю. Но хотя бы теперь знаю, где тебя искать. Пришли время окончания встречи и позвони, когда выйдешь».

Я согласилась. На этот раз — без возражений.

На следующий день город выглядел почти приветливым. Дождь прекратился, облака разошлись, и холодный солнечный свет лёг на фасады домов, высветив облупившуюся краску и трещины в старой штукатурке. На набережной пахло водой, мокрым деревом и свежей выпечкой из небольшой пекарни за углом. «Старый причал» находился в здании бывшего портового управления. Высокие окна выходили на ре-

ку, стены были облицованы тёмным деревом, а над барной стойкой висели старые фотографии грузовых судов. Внутри играла негромкая музыка, посетители разговаривали вполголоса, и никто не обращал внимания на женщину, которая вошла, осмотрела помещение и выбрала столик у окна.

Я пришла на двадцать минут раньше. Заказала чай, сняла пальто и положила телефон на стол. Входная дверь находилась справа от меня. Слева тянулся проход к туалетам и служебным помещениям. За моей спиной было большое окно, выходившее на набережную.

Я не собиралась устраивать засаду. Но привычка оценивать пространство стала частью меня задолго до знакомства с Марком Вейлом.

В двенадцать ровно дверь открылась. Он вошёл без спешки, стряхнул с плеч капли дождя и оглядел зал. На нём была тёмная рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу, и чёрные брюки. Ничего вызывающего, ничего лишнего. Его присутствие всё равно изменило помещение: не потому, что он привлёк все взгляды, а потому, что сам смотрел на окружающих так, будто привык замечать больше, чем показывал.

Наши глаза встретились. Марк направился ко мне.

— Ты пунктуален, — сказала я.

— Ты удивлена?

— Я привыкла, что люди опаздывают, когда хотят показать свою значимость.

— А если человек опаздывает, потому что не хочет встречаться?

— Тогда он не приходит вовсе.

Марк снял пальто и повесил его на спинку стула.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, которых собираешься о чём-то попросить?

— Только с теми, кто считает, что оказывает мне услугу.

Он сел напротив. Официант подошёл почти сразу. Марк заказал чёрный кофе, не открывая меню.

— Итак, — произнесла я, когда мы остались одни. — Роуэн.

— Ты быстро переходишь к делу.

— Я не приглашала тебя сюда ради приятной беседы.

— А я надеялся, что ты хотя бы спросишь, как прошла моя ночь.

— Как прошла твоя ночь?

— Лучше, чем могла бы.

— Рада за тебя. Теперь рассказывай.

Марк чуть наклонил голову, рассматривая меня с тем выражением, которое я уже начинала узнавать. Он не просто слушал. Он проверял, насколько далеко может зайти, прежде чем я потеряю терпение.

— Элиас Роуэн занимался безопасностью в «Северной га-

вании», — сказал он наконец. — Не официальной охраной, которая встречала посетителей у входа. Он отвечал за внутренние системы наблюдения, доступ в служебные помещения и ночные журналы посещений.

— Почему его нет в списках сотрудников?

— Потому что его наняли не через обычный отдел кадров.

— Кто?

— Аркадий Левин.

Я записала имя.

— Левин утверждает, что не имеет отношения к исчезновению документов? Левин много чего утверждает.

— Ты знаком с ним лично?

— Да.

— Насколько хорошо?

Марк посмотрел на официанта, который поставил перед ним чашку. Дождался, пока тот отойдёт, и только тогда ответил:

— Достаточно, чтобы не принимать его слова на веру.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Я положила ручку на блокнот.

— Тогда начнём с правил. Я задаю вопросы. Ты либо отвечаешь, либо говоришь, что не хочешь отвечать. Никаких выдуманных историй, которые должны заставить меня поверить, будто ты помогаешь исключительно из добрых побуждений.

— Ты действительно думаешь, что я способен изображать добрые побуждения?

— Думаю, ты способен изображать всё, что потребуется.

Его взгляд стал холоднее.

— Продолжай.

— Ты не следишь за мной. Не входишь в мою квартиру. Не вмешиваешься в допросы и не контактируешь со свидетелями без моего ведома. Если у тебя есть информация, ты передаёшь её мне. Если она касается преступления, мы фиксируем её так, чтобы потом её можно было использовать в суде.

— Ты забыла самое интересное.

— Что именно?

— Что ты собираешься делать, если обнаружишь доказательства моей причастности к убийствам?

Я не отвела взгляда.

— Я передам их следственной группе. Если доказательств будет достаточно, тебя арестуют.

— Даже если это уничтожит всё, что ты успела узнать от меня?

— Особенно если это уничтожит всё, что я успела узнать от тебя.

Он медленно отхлебнул кофе.

— Хорошо.

Я не ожидала, что он согласится так быстро.

— Ты понимаешь, что я не стану предупреждать тебя перед арестом?

— Понимаю.

— И не позволю тебе исчезнуть.

— Вера, — произнёс он негромко, — если бы я собирался исчезать, ты бы не знала, где меня искать.

В его голосе не было бравады. Он говорил о простом факте, который не требовал доказательств. Я почувствовала раздражение.

— Это не аргумент в твою пользу.

— Я и не пытался его привести.

Я перевернула страницу блокнота.

— Теперь мои условия. Ты не принимаешь решений о моей безопасности без моего согласия. Не распоряжаешься моей жизнью. Не пытаешься направлять расследование туда, куда тебе удобно.

— Ты просишь меня довериться тебе, при этом не доверяя мне.

— Нет. Я предлагаю сотрудничество. Это разные вещи.

Марк некоторое время молчал.

— Допустим, я соглашусь. Что получу взамен?

Вот теперь мы наконец добрались до сути.

— Доступ к информации, которая касается тебя и твоих интересов. Я не буду скрывать от тебя факты, если они не относятся к закрытым оперативным мероприятиям или сведениям, разглашение которых может помешать расследованию.

— Щедро.

— Я также не стану делать вид, что не замечаю твоего участия в событиях двенадцатилетней давности. Но если ты предоставишь сведения, которые помогут установить виновных, я учту это при оценке твоих действий. Не больше.

— Ты не можешь обещать мне снисхождение.

— Я его и не обещаю.

Марк провёл пальцем по краю чашки.

— А если информация, которую я дам тебе, поставит под угрозу твою карьеру?

— Это моя проблема.

— Если она заставит тебя пересмотреть собственные выводы?

— Тогда я их пересмотрю.

— Если она окажется связана с твоим прошлым?

Я замолчала. Вот оно. Он произнёс это спокойно, без нажима, но попал точно туда, куда целился.

— Тогда я буду разбираться с прошлым, — ответила я.

— Даже если выяснится, что твоя ошибка была не совсем твоей?

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Что ты знаешь о моём деле?

— Достаточно, чтобы понимать: ты до сих пор считаешь себя единственным человеком, который должен за него отвечать.

— Ты не знаешь, что я считаю.

— Знаю, что ты подписала заключение. Знаю, что доказательства оказались подменены. Знаю, что свидетель, чьи показания могли изменить ход дела, погиб.

Я смотрела на него, не двигаясь.

— Откуда?

— Я уже говорил, что у меня есть свои источники.

— Назови их.

— Нет.

— Тогда почему я должна тебе верить?

— Не должна.

Он произнёс это так просто, что я на мгновение потеряла нить разговора. Марк наклонился вперёд.

— Не верь мне, Вера. Проверяй. Сверяй каждое слово с документами, ищи противоречия, выясняй, кто получал доступ к материалам. Если я лгу, ты это обнаружишь. Если нет — получишь то, что ищешь.

— А ты?

— Я получу возможность найти человека, которого не смог найти двенадцать лет назад.

— Роуэна?

— В том числе.

— Почему он тебе нужен?

Марк отвёл взгляд к окну. За стеклом по набережной шла женщина с ребёнком. Мальчик тянул мать за руку, пытаясь показать ей что-то на воде. Она остановилась, присела рядом с ним и улыбнулась. На лице Марка ничего не изменилось, но его пальцы на мгновение сжались вокруг чашки.

— Потому что Роуэн знает, что произошло в ночь пожара, — ответил он. — И потому что кто-то убивает людей, которые могли это подтвердить.

— Ты уверен, что Роуэн жив?

— Нет.

— Тогда зачем искать его?

— Чтобы узнать правду. Даже если он мёртв.

Я записала его ответ.

— Хорошо. Теперь расскажи мне о Белецком.

— Белецкий отвечал за финансовые операции фонда. Через «Новый берег» проходили деньги, которые не всегда доходили до тех, кому предназначались. Часть средств использовалась для содержания центра, часть уходила на выплаты людям, чьё молчание требовалось обеспечить.

— Ты утверждаешь, что фонд занимался отмыванием денег?

— Я утверждаю, что благотворительность была удобным прикрытием для расходов, которые не хотели отражать в обычной отчётности.

— У тебя есть доказательства?

— Некоторые.

— Где они?

— Не у меня.

Я закрыла глаза на секунду.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Как ответ человека, который не собирается раскрывать все карты на первой встрече.

— Ты сам предложил сотрудничество.

— Я предложил обмен информацией. Не исповедь.

— Тогда не жди, что я буду откровеннее тебя.

— Я и не жду.

Мы снова замолчали. Я поняла, что это и есть его способ вести переговоры. Марк не повышал голос, не перебивал, не пытался подавить меня очевидной угрозой. Он просто отказывался отдавать больше, чем считал необходимым. Каждое слово приходилось вытаскивать из него отдельно, а каждую уступку — оплачивать вопросом, на который я не хотела отвечать. Он не был человеком, с которым можно договориться, надавив на совесть. Потому что я не была уверена, что совесть для него вообще что-то значила.

— Мельник, — сказала я. — Какую роль он играл?

— Он знал здание лучше большинства сотрудников. Работал с техническими системами, помогал обслуживать помещения, имел доступ к служебным коридорам. Если кому-то нужно было попасть в закрытую часть центра, Мельник мог это организовать.

— Он участвовал в том, что там происходило?

— Не знаю.

— Ты его знал?

— Да.

— И не знаешь?

— Знать человека и понимать, что он делает, — разные вещи.

Я посмотрела на него.

— Ты часто пользуешься этой фразой?

— Только когда она подходит.

— Удобно.

— Очень.

Я едва заметно усмехнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Что происходило в центре на самом деле?

Марк отставил чашку. Впервые за весь разговор он не стал отвечать сразу. Его взгляд опустился на стол, словно он пытался решить, какую часть воспоминаний можно превратить в слова, не открыв больше, чем собирался.

— В рекламных материалах «Северная гавань» называлась местом, где людям помогают вернуться к нормальной жизни, — произнёс он. — Там лечили зависимости, работали с тяжёлыми психологическими состояниями, проводили реабилитационные программы. Всё выглядело прилично. У центра были лицензии, квалифицированные специалисты, пожертвования, благотворительные вечера.

— А за закрытыми дверями?

— За закрытыми дверями люди подписывали документы, которых не понимали. Их заставляли соглашаться на процедуры, не объясняя последствий. Некоторые получали препараты без полноценного информированного согласия. Других убеждали, что их воспоминания ненадёжны, что им нельзя доверять самим себе.

Я почувствовала, как пальцы похолодели.

— Ты говоришь о психологическом давлении.

— Я говорю о людях, чью уязвимость использовали против них.

— Все пациенты?

— Нет. И это одна из причин, почему было так трудно что-либо доказать. Часть сотрудников действительно считала, что помогает. Кто-то не знал, что происходит в соседних помещениях. Кто-то предпочитал не задавать вопросов. А кто-то прекрасно понимал, что делает, и получал за это деньги.

— Левин?

— Левин умел объяснить любое действие так, чтобы оно выглядело необходимым. Если пациент жаловался, его слова называли симптомом. Если сотрудник задавал вопросы, ему объясняли, что он не понимает методику. Если родственники начинали подозревать неладное, им показывали документы с подписями.

— И никто не обращался в полицию?

— Обращались.

— Что происходило?

Марк посмотрел мне прямо в глаза.

— Жалобы исчезали. Или превращались в заявления о том, что пациент представляет опасность для себя и окружающих. Некоторые семьи забирали своих близких и больше не хотели иметь с центром ничего общего. Другие верили врачам. А некоторые просто не имели денег и влияния, чтобы бороться.

Я вспомнила фотографии из материалов дела. Обгоревшие стены, разбитые окна, коридор, в котором невозможно было разобрать, где заканчивается дверь и начинается почерневшая стена.

— Почему ты не рассказал об этом раньше?

— Кому?

— Полиции.

— Я был там в ночь пожара.

Я перестала писать.

— Сколько тебе было лет?

— Восемнадцать.

— И ты находился в центре?

— Да.

— В каком качестве?

— Это не тот вопрос, на который я собираюсь отвечать сегодня.

Я почувствовала, как раздражение поднимается внутри, смешиваясь с чем-то гораздо менее приятным.

— Ты понимаешь, что этим только усиливаешь подозрения?

— Понимаю.

— Тогда зачем вообще рассказываешь мне всё это?

— Потому что ты должна знать, с чем имеешь дело.

— А я должна поверить, что ты решил помочь мне из чувства справедливости?

— Нет.

— Тогда из чего?

Марк долго смотрел на меня. — Из необходимости.

Ответ был честнее любого признания в благородных мотивах. И от этого он нравился мне ещё меньше.

— Ты не дал показаний после пожара, — сказала я.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне бы не поверили.

— Ты даже не пытался.

— Ты уверена?

Я замерла. Он не улыбался. Не выглядел человеком, который наслаждается тем, что загнал собеседника в угол. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах появилось что-то тяжёлое, почти враждебное.

— Ты не знаешь, что я сделал тогда, Вера. И не знаешь, чего мне это стоило.

— Тогда расскажи.

— Не сейчас.

Я с силой закрыла блокнот.

— Ты хочешь, чтобы я сотрудничала с человеком, который скрывает собственное участие в событиях, связанных с двумя убийствами, отказывается называть источники и отвечает на каждый неудобный вопрос очередной загадкой.

— Да.

— И считаешь это разумным?

— Считаю, что у нас нет лучшего варианта.

Я хотела возразить, но не смогла. Потому что он был прав. У меня не было ни имени Роуэна, ни отсутствующего приложения, ни доказательств того, что Левин участвовал в пре-

ступлениях. Я могла продолжать работать с тем, что имела, но кто-то уже дважды продемонстрировал, насколько легко получает доступ к моим материалам. Кто-то знал о моём прошлом, о моих передвижениях и о действиях, которые я ещё не успела оформить в отчёт. Марк был опасен. Но опасность не делала его бесполезным.

— Хорошо, — произнесла я. — Допустим, мы работаем вместе.

Он не изменился в лице, однако я заметила, как расслабились его пальцы.

— Допустим, — повторил он.

— Ты передаёшь мне всё, что знаешь о Роуэне, Левине, Белецком и Мельнике. Я проверяю информацию и решаю, что делать дальше. Ты не получаешь доступ к закрытым материалам и не вмешиваешься в официальные следственные действия. Если я обнаружу доказательства твоей причастности к убийствам, договорённость прекращается.

— Согласен.

— Если ты солжёшь, договорённость прекращается.

— Согласен.

— Если ты снова появишься в моей квартире…

— Я понял с первого раза.

— Я хочу, чтобы ты понял не слова, а последствия.

Марк медленно поднял глаза.

— Я не войду в твою квартиру без разрешения, Вера.

Впервые за весь разговор он произнёс моё имя без насмешки и без скрытого вызова. Я не знала, почему это прозвучало убедительнее остальных обещаний. Возможно, потому что я наконец услышала то, чего требовала с самого начала: не объяснение, не оправдание, не попытку представить вторжение заботой. Признание границы.

— Хорошо, — сказала я.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и положил на стол.

— Тогда у меня есть кое-что для тебя.

Я не прикоснулась к документу.

— Что это?

— Копия журнала доступа в «Северную гавань». Не оригинал. Его я тебе не отдам.

— Почему?

— Потому что оригинал может понадобиться, чтобы установить, кто его подделывал.

Я развернула лист. Бумага была старой, края слегка потемнели. На ней сохранились несколько строк с датами и

временем входа в служебные помещения. Часть фамилий была закрыта чёрными полосами. Я не могла понять, были ли они нанесены изначально или появились позже. Но одна запись читалась отчётливо.

02:17 — М. Вейл — служебный вход. Сопровождение: А. Левин.

Я подняла голову.

— Ты был в центре в ночь пожара. В два семнадцать.

— Да.

Я посмотрела на следующую страницу дела, которую заранее переписала в блокнот. Согласно официальному заключению, пожар начался в два тридцать одну. Четырнадцать минут. Марк находился внутри здания за четырнадцать минут до возгорания.

— Почему ты раньше не сказал об этом?

— Потому что ты не спрашивала.

— Не играй со мной.

— Я не играю.

Я положила документ на стол.

— Ты был там вместе с Левиным. Потом начался пожар. Два человека погибли. Ты не дал показаний. И теперь хочешь, чтобы я поверила, будто ты просто случайный свидетель?

— Я никогда не говорил, что был случайным свидетелем.

— Тогда кем ты был?

Марк смотрел на меня неподвижно.

— Человеком, который должен был уйти раньше.

В его голосе не было ни страха, ни раскаяния. Только усталость, которую он слишком хорошо научился прятать.

— Кто ещё был с тобой? — спросила я.

Он не ответил.

— Марк.

— Я назову имя, когда буду уверен, что этот человек жив и что его не убьют сразу после того, как ты начнёшь задавать вопросы.

— Ты не можешь требовать от меня доверия, одновременно скрывая важнейшую часть информации.

— Я и не требую доверия. Я даю тебе то, что могу дать сейчас.

— А если этот человек и есть убийца?

— Тогда ты его найдёшь.

Я смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается осторожность и начинается манипуляция. Возможно, он защищал кого-то. Возможно, прикрывал сообщника. Возможно, имя, которое он не хотел произносить, было связано с фотографией пяти человек и тем, кто остался в тени. А возможно, Марк просто не привык делиться тем, что считал своим. В любом случае я получила документ, которого не было в официальном деле. И теперь могла проверить его подлинность.

— Откуда у тебя копия?

— У человека, который боялся хранить её у себя.

— Кто этот человек?

— Не сегодня.

Я медленно вдохнула. И устало потёрла переносицу.

— Ты испытываешь моё терпение.

— Я знаю.

— И тебе это нравится?

Марк чуть наклонился вперёд.

— Нет, Вера. Мне нравится, когда люди понимают, что не всё в их жизни подчиняется их желаниям. Ты пока не из таких.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно отозвалось. Он произнёс это без грубости, но с той уверенностью, которая раздражала сильнее любого оскорбления. Марк словно видел во мне не только следователя, но и человека, отчаянно пытающегося удержать контроль над собственной жизнью. И хуже всего было то, что он мог оказаться прав.

— А ты из таких? — спросила я.

— Я давно перестал считать, что всё могу контролиро-

вать.

— Не похоже.

— Это потому, что ты видишь только то, что я позволяю тебе видеть.

Он произнёс это почти безразлично, но между нами снова возникло напряжение, которое я ощутила физически. Я не доверяла ему. Не хотела доверять. Однако какая-то часть меня продолжала прислушиваться к каждому слову, словно за его холодной манерой говорить скрывался ответ на вопрос, который я пока не умела сформулировать. Я ненавидела подобное ощущение. Оно делало меня уязвимой. А уязвимость в моей профессии стоила слишком дорого.

— Я забираю документ, — сказала я, складывая лист. — Но он будет проверен. Если окажется подделкой, я буду считать, что ты намеренно ввёл меня в заблуждение.

— Разумеется.

— И если ты причастен к убийствам, я тебя остановлю.

Марк поднялся, застегнул пуговицы пальто и посмотрел на меня сверху вниз.

— Я рассчитываю именно на это.

Он оставил деньги за кофе и направился к выходу. Я проводила его взглядом. У самой двери он остановился, словно вспомнил что-то важное, и обернулся.

— Вера.

— Что?

— Не ищи Роуэна по адресу, который указан в старых документах.

Я медленно поднялась.

— Почему?

— Потому что там его не было уже двенадцать лет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я сам однажды там был.

— Когда?

— После пожара.

Он открыл дверь.

— И что ты нашёл?

Марк посмотрел на меня через плечо.

— Ничего, что можно было бы похоронить вместе с остальными.

Затем вышел на улицу. Я осталась стоять возле стола, сжимая в руке копию журнала доступа. Мне хотелось броситься

за ним, остановить, заставить объяснить каждое слово. Но я знала, что он не скажет больше, чем уже сказал. По крайней мере, сегодня. Я вернулась на стул и перечитала запись ещё раз.

02:17 — М. Вейл. Сопровождение: А. Левин.

Четырнадцать минут до пожара. Двенадцать лет молчания. Два убийства, которые могли оказаться началом куда более длинного списка. Я достала телефон и отправила Лебедеву сообщение: «Встреча закончилась. Получила копию журнала доступа, где указано, что Вейл находился в центре в ночь пожара вместе с Левиным. Проверить подлинность. Подробности сообщу в отделе».

Ответ пришёл почти сразу.

«Ты в безопасности?»

Я посмотрела на дверь, за которой исчез Марк.

«Да».

На этот раз я не была уверена, что говорю правду. К вечеру я вернулась в отдел с копией журнала, сделала официальный запрос на проверку документа и попросила поднять все материалы, связанные с компанией, которая обеспечивала безопасность «Северной гавани». Затем я ещё раз просмотрела фотографии с места первого убийства. Белецкий лежал в переулке на боку, одной рукой почти касаясь стены. На снимке, который прислал неизвестный, было видно то, что не попало в первоначальный протокол: возле его пальцев лежал небольшой металлический предмет. Я увеличила изображение. Предмет был похож на обломок застёжки или часть брелока. На официальных фотографиях его не было. Я проверила дату и время снимка, который получила от анонимного отправителя. Он был сделан уже после того, как на место прибыли первые сотрудники полиции. Кто-то находился там достаточно близко, чтобы сфотографировать тело под углом, недоступным обычной камере наблюдения. Кто-то видел улику, которую мы пропустили. И кто-то решил сообщить об этом мне, но не настолько прямо, чтобы я могла использовать фотографию в качестве доказательства. Я открыла список вещей, изъятых с места преступления. Металлического предмета в нём не было. Значит, либо его забрали

до начала официального осмотра, либо он исчез после того, как я получила снимок. Я почувствовала, как внутри поднимается знакомая тревога. Кто-то не просто наблюдал за расследованием. Он вмешивался в него, оставляя следы там, где считал нужным. И я до сих пор не понимала, чего он добивается.

На рабочем столе загорелся экран телефона. Новое сообщение.

«Теперь у вас есть сделка.»

Я не стала отвечать. Следующее сообщение пришло через несколько секунд.

«Не перепутайте её с союзом.»

Я медленно положила телефон экраном вниз. В этом незнакомце была странная жестокость: он не угрожал напрямую, не требовал ничего взамен, не пытался запугать меня очевидным способом. Он просто подталкивал к нужным ему

выводам, словно проверял, когда я начну двигаться самостоятельно. И самое неприятное заключалось в том, что некоторые его подсказки действительно помогали.

Я открыла блокнот и записала три вопроса:

1. Кто убил Белецкого и Мельника?

2. Что произошло в «Северной гавани» двенадцать лет назад?

3. Кто знал о моём старом деле и почему теперь пытается заставить меня вернуться к нему?

Под ними я написала четвёртый:

4. Почему Марк Вейл решил, что именно я должна найти правду?

Я смотрела на эту строчку дольше, чем на остальные. Вейл мог скрывать собственное участие в преступлениях. Мог использовать меня, чтобы добраться до Роуэна или Левина. Мог намеренно направлять расследование туда, где его интересы пересекались с моими.

Но если он действительно хотел лишь избавиться от людей, связанных с прошлым, зачем ему было оставлять мне документы, которые могли привести к нему самому? Возможно, он был уверен, что сможет контролировать последствия. Возможно, считал меня достаточно упрямой, чтобы продолжать копать, и достаточно принципиальной, чтобы не отступить, даже если правда окажется неудобной. Или он просто знал, что я не остановлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.